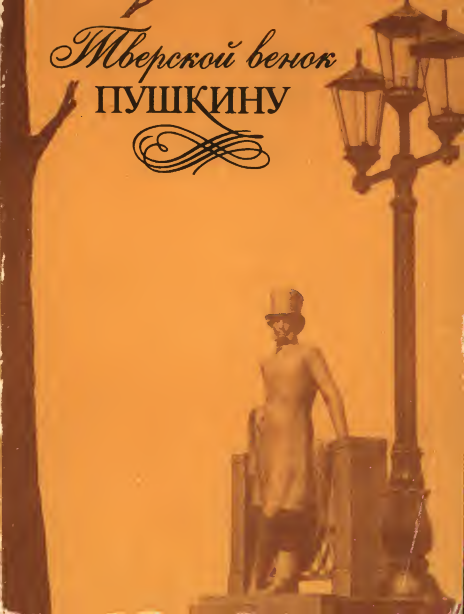

Тверской венок
ПУШКИНУ

Тверской венок
ПУШКИНУ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1989

ББК 83.3Р1
Т26

Составитель
А. Е. СМИРНОВ

Фотоиллюстрации
Ю. Н. САДОВНИКОВА

Т $\frac{4603020101-226}{М172(03)-89}$ Без объявл.

ISBN 5—239—00509—5

От составителя

Каждый год в первое воскресенье июня тысячи людей собираются на солнечной берновской поляне. Здесь, в любимых Александром Сергеевичем тверских местах, отмечается Пушкинский праздник поэзии.

...Закончена посевная страда, по всем дорогам, ведущим в Калинин, Торжок, Берново, буйствует сирень. В самое междупарье, на рубеже весны и лета, приходят к нам торжества в честь великого русского поэта.

Пушкин, поэзия, праздник! Люди становятся чище душой, богаче мыслью в эти дни.

Мы отдаем ему долг почитания и любви, трепетно постигаем его магические строки, которые, единожды забрав нас в плен, не отпускают уже больше никогда. Гипноз пушкинской поэзии сильнее в том краю, где он творил, дружил и оставил след своих легких энергичных шагов.

С именем Пушкина тверская земля повенчана навсегда. Многие дни и ночи провел он в поездках по ее «государевой дороге». Вот хронология этих поездок.

1811

Июнь. Из Москвы в Петербург.

1826

Сентябрь. Из Михайловского в Москву.
Октябрь. Из Москвы в Михайловское.
Декабрь. Из Михайловского в Москву.

1827

Май. Из Москвы в Петербург.

1828

Октябрь. Из Петербурга в Тверскую губернию.
Ноябрь. Из Тверской губериии в Москву.

1829

Январь. Из Москвы в Тверскую губериию.
Яиварь. Из Тверской губернии в Петербург.
Май. Из Петербурга в Тверскую губериию.
Май. Из Тверской губернии в Москву.
Октябрь. Из Москвы в Тверскую губернию.
Ноябрь. Из Тверской губернии в Петербург.

1830

Март. Из Петербурга в Тверскую губериию.
Март. Из Тверской губернии в Москву.
Июль. Из Москвы в Петербург.
Август. Из Михайловского в Москву.

1831

Май. Из Москвы в Петербург.
Декабрь. Из Петербурга в Москву.
Декабрь. Из Москвы в Петербург.

1832

Сентябрь. Из Петербурга в Москву.

Октябрь. Из Москвы в Петербург.

1833

Август. Из Петербурга в Тверскую губернию.
Август. Из Тверской губернии в Ярополец.

1834

Октябрь. Из Петербурга в Москву.
Ноябрь. Из Москвы в Петербург.

1836

Май. Из Петербурга в Москву.
Май. Из Москвы в Петербург.

Подолгу гостил А. С. Пушкин в Тверской губернии шесть раз: осенью 1828, зимой, весной и осенью 1829, весной 1830 и летом 1833 годов.

О том, что поэт здесь написал, с кем дружил, рассказывает эта книга.

Тверской венок Пушкину... Это наши поэтические праздники в конце мая — начале июня, когда звучат стихи в очнувшемся от строгой тишины читальном зале областной библиотеки имени А. М. Горького, на круглой площади Торжка, с эстрады берновского парка, на которую смотрит с холма сосна, чьи раздвоенные ветви так напоминают лиру.

Со времен первого праздника, состоявшегося 5 июня 1970 года (это были, точнее, Пушкинские чтения, собравшие небольшую группу калининских пушкинистов), в литературной части торжеств выступили 150 писателей. Среди них Ираклий Андроников, Лариса Васильева, Андрей Дементьев, Михаил Матусовский, Сергей Наровчатов, Лев Ошанин, Людмила Татьяничева и многие другие. Традицией стало участие в праздниках калининских литераторов.

Тверской венок... Это музеи А. С. Пушкина в Торжке и Бернове, ставшие за минувшие годы зна-

чительными культурно-просветительными центрами благодаря усилиям таких специалистов, как И. М. Бружеставицкий, Т. В. Горох, Л. А. Казарская, Ю. Л. Керцелли, Т. П. Кочнева, С. Т. Овчинникова, С. П. Орлова и их коллеги. Каждый музей — это своеобразный Дом Пушкина. Именно Дом. Именно с большой буквы.

Тверской венок... Это памятники Пушкину работы выдающихся русских ваятелей на площадях и в парках. У каждого скульптора — свой Пушкин — у Е. Ф. Белашовой, О. К. Комова, И. М. Рукавишникова. Но вместе, сообща, они создали образ н а ш е г о Пушкина.

Тверской венок... Это целая библиотечка, в которую вошли книги исследователей и краеведов М. А. Ильина, В. Ф. Кашковой, Л. Ф. Керцелли, А. С. Пьянова, Л. А. Черейского, научные труды филологов Калининского государственного университета. К ним следует добавить талантливые произведения калининских художников Р. Н. Благовещенского, А. Ф. Дубова, Г. Ф. Зайцева, Г. П. Клюшина, В. Ф. Шумилова и других; многочисленные экскурсии по пушкинским местам, которыми богато Верхневолжье; пушкинские спектакли калининских театров; заседание городского пушкинского клуба в областном центре.

В первом разделе книги опубликованы стихотворения А. С. Пушкина, написанные им в Тверской губернии. Здесь же помещен «Роман в письмах», над которым Александр Сергеевич работал осенью 1829 года.

Второй раздел содержит письма А. С. Пушкина, адресованные в Тверскую губернию или отправленные им отсюда. Письма поэта всегда считались важнейшим источником при изучении его биографии. В них — его характер, интересы, отношения с различными людьми.

Все тексты приводятся по Собранию сочинений А. С. Пушкина в 10-ти томах (М., Художественная литература, издается с 1974 г.).

В третьем разделе собраны первые работы тверской Пушкинианы, та основа, на которой развивалось в Твери пушкиноведение.

Труды первых тверских историков-краеведов В. И. Колосова, И. А. Иванова, С. А. Фессалоницкого издавались один раз и с тех пор стали библиографической редкостью. Некоторые сведения, приведенные в этих исследованиях, не выдержали проверки временем (например, утверждение В. И. Колосова о пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии в 1827 г.) или до сих пор еще вызывают сомнения, так как не обеспечены документальными доказательствами, хотя высказанные версии вполне вероятны (в частности, знакомство Пушкина с федоровским помещиком Ф. Ф. Эгерштромом). По-разному авторы подходят к оценке современников поэта (к примеру, не сходятся характеристики, данные А. Н. Вульфу С. А. Фессалоницким и Л. Ф. Керцелли). Но каждая работа позволяет увидеть оригинальность мыслей автора, нарастающую глубину исследований. Читателя, желающего подробнее познакомиться с пребыванием поэта в Тверской губернии, мы отсылаем к упомянутым книгам — А. С. Пьянова «Мои осенние досуги» и «Под голубыми небесами», Л. Ф. Керцелли «Тверской край в рисунках Пушкина», В. Ф. Кашковой «Я к вам пишу... Тверские мотивы в переписке А. С. Пушкина», Л. А. Черейского «Пушкин и Тверской край». Все они вышли в свет в последние 10—15 лет и дают представление о современной точке зрения на ту или иную проблему.

В четвертом разделе помещены рецензии И. Л. Андроникова, Ю. М. Нагибина, Б. А. Ахмадулиной на современные исследования тверской Пушкинианы. Здесь же опубликована глава из книги заслуженного работника культуры РСФСР А. З. Крейна «Рождение музея», рассказывающая о людях, прокладывающих пути-дороги к Пушкину, о формировании, продолже-

нии и укреплении пушкинской литературной традиции, о счастье повседневного общения с поэтом.

В пятом разделе собраны стихи местных поэтов о пушкинских местах Калининской области. Они как бы являют собой поэтическое свидетельство того вдохновения, которое дарует поэт поэтам.

Фотографии Ю. Садовникова знакомят читателя с сегодняшним обликом городов Калинина, Торжка, Старицы, сел Бернова, Малинников, Павловского, в котором сохранились и черты пушкинской эпохи.

Вплетаются новые ветви в тверской венок Пушкину. Местное отделение Советского фонда культуры проводит благотворительные пушкинские вечера. В праздничную полночь собираются любители пушкинского стиха на берегу Волги и декламируют самые любимые, самые заветные строки. В архивной сладостной пыли отыскивают краеведы новые сюжеты, штрихи великой биографии.

Тверская земля помнит поэта.

И пробуждается поэзия во мне

«ПОСВЯЩЕНИЕ» К ПОЭМЕ «ПОЛТАВА»

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай по крайней мере звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

1828

*

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

1828

АНЧАР [1]

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,

[1] Древо яда. (*Прим. Пушкина.*)

И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?

Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani [1]

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес

---

[1] Прочь, непосвященные *(лат.)*.

Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор,— полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,

Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1828

*

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно...

1828

*

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,

Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши милые края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

1829

*

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;

Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),—
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.

Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предаднмся бегу
Нетерпелнвого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, мнлый для меня.

1829

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Глава седьмая

XXII

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтенье разлюбнл,
Однако ж несколько твореннй
Он нз опалы исключнл:
Певца Гяура н Жуана
Да с ннм еще два-три романа,
В которых отразнлся век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбнвой н сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действнн пустом.

XXIII

Храннли многне страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы

Устремлены на них живей.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

XXIV

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* найдено?
Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут ее давно,
Где собралися два соседа

И где об ней идет беседа.
— Как быть? Татьяна не дитя,—
Старушка молвила кряхтя.—
Ведь Оленька ее моложе.
Прнстроить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотрез одно н то же:
Нейду. И все грустит она,
Да броднт по лесам одна.

1828

ПУТЕШЕСТВИЕ ОНЕГИНА

*(Из неопубликованной
восьмой главы «Странствие»)*

VI

Он собрался, н, слава богу,
Июля третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.
Среди равннны полуднкой
Он видит Новгород-великой.
Смнрнлнсь площадн — средь ннх
Мятежный колокол утнх,
Не бродят тенн велнканов:
Завоеватель скандннав
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов,
И вкруг поникнувшнх церквей
Кнпит народ мннувшнх дней.

VII

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся.
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

VIII

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
Стерляжьей потчует ухой,
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.
Замечен он. Об нем толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.

. . . .

X

Тоска! Евгений ждет погоды.
Уж Волга, *рек, озер краса,*
Его зовет на пышны воды,
Под полотняны паруса.
Взманить охотника нетрудно:
Наняв купеческое судно,
Поплыл он быстро вниз реки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывным голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну.

XI

Поют про тех гостей незваных,
Что жгли да резали. Но вот
Среди степей своих песчаных
На берегу соленых вод
Торговый Астрахань открылся.
Онегин только углубился
В воспоминанья прошлых дней,
Как жар полуденных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Его встречают,— и, взбешен,
Каспийских вод брега сыпучи
Он оставляет в тот же час.
Тоска! — он едет на Кавказ.

1829

РОМАН В ПИСЬМАХ

1. Лиза — Саше.

Ты, конечно, милая Сашенька, уднвилась нечаянному моему отъезду в деревню. Спешу объясниться во всем откровенно. Завиcнмость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспнтывала меня наравне со своею племяннннцею. Но в ее доме я все же была воспнтаннница, а ты не можешь вообразить, как много мелочных горестей неразлучны с этнм званием. Многое должна была я сноснть, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения. Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлнсь мы на бале, одетые одинаково, я досадовала, не внդя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила нх для того только, чтобы не отлнчаться от меня, н эта внимательность уже оскорбляла меня. Неужто предполагают во мне, думала я, завнсть нли что-ннбудь похожее на такое детское малодушие? Поведенне со мною мужчнн, как бы оно нн было учтиво, помннутно задевало мое самолюбие. Холодность нх или прнветливость, все казалось мне неуваженнем. Словом, я была созданне пренесчастное, и сердце мое, от прнроды нежное, час от часу более ожесточалось. Заметила лн ты, что все девушки, состоящие на правах воспнтанниц, дальних родственннц, demoiselles de compaqnie [1] и тому подобное, обыкновенно бывают нли нnзкие служанки, нлн несносные прнчудннцы? Последних я уважаю и извнняю от всего сердца.

Тому ровно три неделн получила я пнсьмо от бедной моей бабушкн. Она жаловалась на свое одиночество н звала меня к себе в деревню. Я решилась воспользо-

[1] компаньонок *(франц.)*.

ваться этим случаем. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевны позволения ехать, и должна была обещать зимою возвратиться в Петербург, но я не намерена сдержать свое слово. Бабушка мне чрезвычайно обрадовалась; она никак меня не ожидала. Слезы ее меня тронули несказанно. Я сердечно ее полюбила. Она была некогда в большом свете и сохранила много тогдашней любезности.

Теперь я живу *дома*, я хозяйка — и ты не поверишь, какое это мне истинное наслаждение. Я тотчас привыкла к деревенской жизни, и мне вовсе не странно отсутствие роскоши. Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, все это осенью и зимою немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем. Соседей у нас мало, и я еще ни с кем не виделась. Уединение мне нравится на самом деле, как в элегиях твоего Ламартина.

Пиши ко мне, мой ангел, письма твои будут мне большим утешением. Что ваши балы, что наши общие знакомые? Хоть я и сделалась затворницей, однако ж я не вовсе отказалась от суеты мира — вести об нем для меня занимательны.

Село Павловское.

2. *Ответ Саши.*

Милая Лиза.

Вообрази мое изумление, когда узнала я про твой отъезд в деревню. Увидев княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотела поверить ее словам. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой ангел, с новым образом жизни. Радуюсь, что он тебе понравился. Твои жалобы о прежнем твоем положении меня тронули до слез, но показались мне слиш-

ком горькими. Как можешь ты сравнивать себя с воспитанницами и demoiselles de compaqnie? Все знают, что Ольгин отец был всем обязан твоему и что дружба их была столь же священна, как самое близкое родство. Ты, казалось, была довольна своей судьбою. Никогда не предполагала я в тебе столько раздражительности. Признайся: нет ли другой, тайной причины твоему поспешному отъезду. Я подозреваю... но ты со мною скромничаешь — и я боюсь рассердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебе про Петербург? Мы еще на даче, но почти все уже разъехались. Балы начнутся недели через две. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На днях обедали у нас гости,— один из них спрашивал, имею ли о тебе известия. Он сказал, что твое отсутствие на балах заметно, как порванная струна в форте-piano — и я совершенно с ним согласна. Я все надеюсь, что этот припадок мизантропии будет не продолжителен. Возвратись, мой ангел; а то нынешней зимою мне не с кем будет разделять моих невинных наблюдений и некому будет передавать эпиграмм моего сердца. Прости, моя милая,— подумай и одумайся.

Крестовский остров.

3. Лиза — Саше.

Письмо твое меня чрезвычайно утешило — оно так живо напомнило мне Петербург. Мне казалось, я тебя слышу! Как смешны твои вечные предположения! Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую-то несчастную любовь — не правда ли? успокойся, милая; ты ошибаешься: я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов.

Ты говоришь, что тебе некому будет нынешней зимою передавать своих сатирических наблюдений,— а на что же переписка наша? Пиши ко мне все, что ты заметишь; повторяю тебе, что я вовсе не отказалась от света, что все, касающееся до него, для меня занимательно. В доказательство того прошу тебя написать, кому отсутствие мое кажется так заметным? Не любезному ли нашему говоруну Алексею Р—? Я уверена, что угадала... Уши мои были всегда к его услугам, а ему только и надобно.

Я познакомилась с семейством ***. Отец балагур и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворными собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством потчует вареньем. У нее нашла я целый шкап, наполненный старинными романами. Я намерена все это прочесть и начала Ричардсоном. Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала с предисловия переводчика и, увидя в нем уверение, что хотя первые шесть частей скучненьки, зато последние шесть в полной мере вознаградят терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий,— наконец добралась до шестого,— скучно, мочи нет. Ну, думала я, теперь буду награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловласа, и конец. Каждый том заключает в себе две части, и я не заметила перехода от шести скучных к шести занимательным.

Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщины не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, все же походит

на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны.

Ты видишь: я с тобою болтлива по обыкновенному — не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мне как можно чаще и как можно более — ты не можешь вообразить, что значит ожиданне почтового дня в деревне. Ожидание бала не может с ним равняться.

4. *Ответ Саши.*

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобы смирить твое самолюбие, объявляю, что Р — вовсе не замечает твоего отсутствия. Он привязался к леди Пелам, приезжей англичанке, и от нее не отходит. На его речи отвечает она видом невинного удивления и маленьким восклицанием oho!.. а он в восхищении. Знай: спрашивал меня о тебе, всем сердцем жалеет о тебе твой постоянный admirateur [1] Владимир **. Довольна ли ты? думаю, очень довольна, и по своему обыкновению осмеливаюсь предполагать, что и без меня ты догадалась. Шутки в сторону, ** очень занят тобою. На твоем месте я бы завела его далеко. Что ж, он прекрасный жених... Зачем не выйти за него,— ты жила бы на Английской набережной, по субботам имела бы вечера, и всякое утро заезжала бы за мною. Полно тебе дурачиться, мой ангел, приезжай к нам и выходи за **.

Третьего дня был бал у К**. Народу было пропасть. Танцевали до пяти часов. К. В. была одета очень просто; белое креповое платьице, даже без гирлянды, а на голове и шее на полмиллиона бриллиантов: только!

[1] поклонник *(франц.)*.

Z по своему обыкиовеиию была одета уморительио. Откуда берет оиа свои иаряды? На платье ее были иашиты ие цветы, а какие-то сушеиые грибы. Не ты ли ей, мой аигел, прислала из деревии? Владимир ** ие таицевал. Ои едет в отпуск. С. приехали (вероятио, первые), просидели всю иочь ие таицуя и уехали последиие. Старшая, кажется, была иарумяиеиа — пора... Бал очеиь удался. Мужчииы были иедовольиы ужииом, ио ведь оии вечио должиы быть чем-иибудь да иедовольиы. Мие было очеиь весело, хоть я и таицевала *котильон* с иесиосным дипломатом Ст —, который к природиой своей глупости присоедииил еще рассеяииость, вывезеиiую им из Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчет об Ричардсоие. Теперь я имею об ием поиятье. Прочитать его ие иадеюсь — с моим иетерпеиием; я и в Вальтере Скотте иахожу лишиие страиицы. Кстати: кажется, ромаи Елеиы Н. и графа Л. коичается — по крайией мере ои так приуиыл, а оиа так важиичает, что, вероятно, свадьба решеиа. Прости, моя прелесть, довольна ли ты моею сегодияшией болтовиею?

5. Лиза — Саше.

Нет, милая моя сваха, я ие думаю оставить деревню и приехать к вам иа свою свадьбу. Откровеиио призиа́юсь, что Владимир ** мие иравился, ио иикогда я ие предполагала выйти за иего. Ои аристократ — а я смиреииая демократка. Спешу объясииться и заметить гордо, как истииная героиия ромаиа, что родом приiадлежу я к самому старииному русскому дворяиству, а что мой рыцарь виук бородатого милльоищика. Но ты зиаешь, что зиачит иаша Аристократия. Как бы то ии было, ** человек светский; я могла ему понравиться, ио ои для меия ие пожертвует богатой иевестою и

выгодиым родством. Если когда-нибудь и выйду замуж, то выберу здесь какого-иибудь сорокалетнего помещика. Ои станет заиниматься своим сахариым заводом, я хозяйством — н буду счастлнва, ие танцуя иа бале у гр. К. и ие имея суббот у себя на Аиглнйской иабережной.

У нас зима: в деревне c'est un èvènement[1]. Это вовсе ие переменяет образ жнзин. Уедииеиные гуляння прекращаются, раздаются колокольчнки, охотники выезжают с собаками,— все делается светлее, веселее от первого сиега. Я инкак этого ие ожидала. Зима в деревие пугала меия. Но все иа свете имеет свою хорошую сторону.

Я короче позиакомилась с Машенькой *** и полюбила ее; у ией миого хорошего, миого оригииальиого. Нечаянио узнала я, что ** их блнзкнй родия. Машенька ие видала его семь лет, но от иего в восхищеиии. Он провел у них одио лето, и Машеиька беспрестаиио рассказывает все подробиости тогдашией его жизии. Читая ее романы, я нахожу иа полях его замечаиия, бледио писаииые караидашом; видио, что ои был тогда ребеиком. Его поражали мысли и чувства, над которыми, конечио, стал бы он теперь смеяться; по крайией мере видна душа свежая, чувствнтельная. Я читаю очень миого. Ты ие можешь вообразить, как страино читать в 1829 году ромаи, пнсаиный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостииой входим мы в стариинную залу, обнтую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя страииые платья, однако ж зиакомые лица, и узиаем в иих иаших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частию эти ромаиы ие имеют другого достониства. Происшествие заиимательно, положеиие хорошо запутаио,— ио Белькур говорнт косо, но Шарлотта отвечает криво. Умиый

[1] это целое событие *(франц.)*.

человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р *. Полно ему тратить ум в разговорах с англичанками! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает.

Маша хорошо знает русскую литературу — вообще здесь более занимаются словесностию, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я знаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика. Я было заглянула в журналы и принялась за критики «Вестника Европы», но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны — смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы — санкт-петербургские недотроги!..

6. Лиза — Саше.

Милая! мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы дружбы. Тот, от которого убежала, кого боюсь я как несчастья, ** здесь. Что мне делать? голова моя кружится, я теряюсь, ради бога, реши, что мне делать. Расскажу тебе все...

Ты заметила прошедшую зимою, что он от меня не отходил. Он к нам не ездил, но виделись везде. Напрасно вооружалась я холодностью, даже видом пренебрежения,— ничем не могла я от него избавиться. На балах он вечно умел найти место возле меня, на

гулянье он вечно с намн встречался, в театре лорнет его был устремлен на нашу ложу.

Сначала это льстнло моему самолюбню. Я, может быть, слншком это ему дала заметнть. По крайней мере он каждый час, прнсвонвая себе новые права, говорнл мне о своих чувствах н то ревновал, то жаловался... С ужасом думала я: к чему все это ведет! н с отчаяннем прнзнавала власть его над моей душой. Я уехала нз Петербурга — думала тем прекратнть зло в его начале. Моя решнмость, уверенность в том, что нсполннла я свой долг, успоконлн было мое сердце. Я начннала думать о нем равнодушнее, с меньшею горестню. Вдруг я его внжу.

Я его внжу: вчера былн нменнны ***. Я прнехала к обеду, вхожу в гостнную, нахожу толпу гостей, уланскне мунднры, дамы меня окружают, я со всемн нмн перецеловалась! Не замечая ннкого, сажусь подле хозяйкн, гляжу: ** передо мной. Я остолбенела... Он сказал мне несколько слов с вндом такой нежной, нскренней радостн, что н я не нмела снлы скрыть ни замешательства своего, нн удовольствня.

Пошлн за стол. Он сел протнв меня; я не смела на него взглянуть — но заметнла, что все глаза былн устремлены на него. Он был молчалнв н рассеян. В другое время меня бы очень заннмало общее желанне прнвлечь вннманне прнезжего гвардейского офнцера, беспокойство барышень, неловкость мужчнн, хохот нх прн собственных шутках, н между тем учнтывая холодность н совершенное невннманне гостя... После обеда он ко мне подошел. Чувствуя, что мне было надобно чтонибудь сказать, я спроснла довольно некстатн, по делам лн заехал он в нашу сторону. «Я прнехал по одному делу, от которого завнснт счастне моей жизнн»,— отвечал он вполголоса н тотчас отошел; он сел нграть в бостон с тремя старушкамн (в том числе с бабушкой), а я ушла наверх к Машеньке, где пролежа-

ла до вечера под предлогом головной боли. В самом деле, я была хуже чем нездорова. Машенька от меня не отходила. Она в восторге от **. Он пробудет у них месяц или более. Она целый день будет с ним. Право, она влюблена в него — дай бог, что и он влюбится. Она стройна и странна — мужчинам только того и надобно.

Что мне делать, милая, здесь не будет мне возможности избегнуть его преследований. Он уж успел обворожить бабушку. Он будет ездить к нам — опять пойдут признания, жалобы, клятвы — *и к чему?* Он добьется моей любви, моего признания,— потом размыслит о невыгодах женитьбы, уедет под каким-нибудь предлогом, оставит меня,— а я... Какая ужасная будущность! Ради бога, дай мне руку: я тону.

7. *Ответ Саши.*

То ли дело облегчить сердце полной исповедию! Давно бы так, мой ангел! Охота же тебе было не сознаваться в том, что я давно знала: ** и ты — вы влюблены друг в друга — что за беда? На здоровье. Ты имеешь дар смотреть на вещи бог знает с какой стороны. Ты напрашиваешься на несчастие — берегись накликать его. Почему тебе не выйти за **. Где тут неодержимые препятствия? Он богат, а ты бедна — пустое. Он богат за двух — чего ж вам более. Он аристократ; а ты именем, воспитанием разве не аристократка?

Недавно спор зашел о дамах высшего круга. Я узнала, что Р. объявил однажды себя на стороне аристократии, потому что она лучше обувается. Итак, не явно ль, что ты с головы до ног аристократка?

Извини меня, мой ангел, но твое патетическое письмо рассмешило меня. ** приехал в деревню для того, чтоб тебя видеть. Какой ужас! Ты гибнешь, ты тре-

буешь моего совета. Уж не сделалась ли ты уездной героиней. Мой совет: обвенчаться как можно скорее в вашей деревянной церкви и приезжать к нам, чтоб явиться Форнариной в картинах, которые затеваются у С **. Поступок твоего рыцаря меня тронул, кроме шуток. Конечно, в старину любовник для благосклонного взгляда уезжал на три года сражаться в Палестину; но в наши времена уехать за 500 верст от Петербурга, для того чтоб увидеться со владычицею своего сердца,— право, много значит. ** достоин награды.

8. *Владимир ** — своему другу.*

Сделай одолжение, распусти слух, что я при смерти болен, я намерен просрочить и хочу соблюсти всевозможную благопристойность. Вот уже две недели как я живу в деревне и не вижу, как время летит. Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. Тем и я кончу. Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню. Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...

Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их

притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застает в нужде и в хлопотах.

Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру. Древние фамилии приходят в ничтожество; новые подымаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна фамилия не знает своих предков. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю. Но пора положить ему преграды.

Я без прискорбия никогда не мог видеть уничижения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольничий князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукий, выборный человек от всего государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!

Аристократия чиновная не заменит аристократии родовой. Семейные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа. Но каковы семейные воспоминания у детей коллежского асессора?

Говоря в пользу аристократии, я не корчу английского лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: Affecter le mèpris del la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâchetê dans le gentilhomme.[1]

---

[1] Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению — черта смешная в выскочке и низкая в дворянине *(франц.)*.

Все это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но, признаюсь, дай бог им промотаться, как нашему брату. Какая дикость! для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ними процветают еще Простаковы и Скотинины!

Это, впрочем, не относится к родственнику, у которого я в гостях. Он очень добрый человек, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая девочка. Ты видишь, что я стал добр. В самом деле, с тех пор как я в деревне, я стал отменно благосклонен и снисходителен — действие моей патриархальной жизни и присутствия Лизы ***. Мне было скучно без нее не на шутку. Я приехал уговорить ее возвратиться в Петербург. Наше первое свидание было великолепно. Тетка моя была именинница. Все соседство съехалось. Явилась и Лиза — и едва поверила самой себе, увидев меня... Она не могла же не признаться, что я приехал сюда только для нее. По крайней мере я постарался дать ей это почувствовать. Здесь мой успех превзошел мои ожидания (что много значит). Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, «А потому, что патриотки». Мужчины отменно недовольны моею fatuitè indolente [1], которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство — хотя и чувствуют, что я нахал. Прощай. Что делают наши? Servitor di tutti quanti [2]. Пиши ко мне в село **.

---

[1] Томным фатовством *(франц.)*.
[2] Покорный слуга всех их, вместе взятых *(итал.)*.

9. Ответ друга.

Поручение твое мною исполнено. Вчера в театре объявил я, что ты занемог нервическою горячкой и что, вероятно, тебя уже нет на свете,— итак, пользуйся жизнию, покамест еще ты не воскрес.

Твои нравственные размышления насчет управления имений радуют меня за тебя. То ли дело

> Un homme sans peur et sans reproche,
> Qui n'est ni roi, ni duc, ni comte sussi [1].

Состояние помещика, по-моему, самое завидное.

Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей.

. . . .

Пустившись в важные рассуждения, я совсем забыл, что теперь тебе не до того — ты занят своею Лизой. Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на ci-devant [2] гвардии хрипуна 1807 г. Покамест это недостаток, скоро ты будешь смешнее генерала Г **. Не лучше ли заранее привыкнуть ко строгости зрелого возраста и добровольно отказаться от увядающей молодости? Знаю, что проповедую втуне, но таково мое назначение.

Все твои друзья тебе кланяются и очень жалеют о преждевременной твоей кончине — между прочим и прежняя твоя приятельница, которая возвратилась из Рима, влюбленная в папу. Как это на нее похоже и как это должно тебя восхитить! Не приедешь ли для соперничества cum servo servorum dei? [3] Это было б похоже на тебя. Я всякий день стану тебя ожидать.

---

[1] Муж без страха и упрека,
Хоть он и не король, не герцог и даже не граф *(франц.)*.

[2] бывшего *(франц.)*.

[3] с рабом рабов божьих *(лат.)*.

*10. Владимир **— своему другу.*

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, но ты отстал от своего века — и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг,— нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это все переменилось. Французский кадриль заменил Адама Смита, всякий волочится и веселится как умеет. Я следую духу времени; но ты неподвижен, ты ci-devant, un homme[1] стереòтип. Охота тебе сиднем сидеть одному на скамеечке оппозиционной стороны. Надеюсь, что Z — обратит тебя на истинный путь: поручаю тебя ее ватиканскому кокетству. Что касается до меня, я совершенно предался патриаршеской жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешними помещиками, играю с старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываюсь. С Лизою вижусь каждый день — и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть высшего петербургского общества, а между тем — что-то живое, снисходительное, добродное (как говорит ее бабушка), ничего резкого, жесткого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок перед ревенем. Она слушает и понимает — редкое достоинство в наших женщинах. Часто удивлялся я тупости понятия и нечистоте воображения дам, впрочем очень любезных. Часто самую тонкую шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму, или неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный

[1] бывший, человек *(франц.)*.

вид, ими принимаемый, так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит.

Это испытал я с Еленой ***, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало. Кроме Лизы, есть у меня для развлечения Машенька ***. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там — мнения своих мужей.

Прощай, мой милый; что нового в свете? Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня):

> Глупа как истина, скучна как совершенство.

Не лучше ли:

> Скучна как истина, глупа как совершенство.

То и другое похоже на мысль. Попроси В. приискать первый стих и отныне считать меня поэтом.

. . . .

1829

Я к вам пишу

П. А. ОСИПОВОЙ

20 февраля 1826 г. Из Михайловского в Тверь

Перевод:

Сударыня,

Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грации, изящества и чувства. Вы будете от нее в восторге.

Полагаю, сударыня, что вы теперь в Твери; желаю вам приятно проводить время, но не настолько, чтобы совсем забыть Тригорское, где, погрустив о вас, мы начинаем уже вас поджидать.

Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

20 февр.

Будьте добры, сударыня, передать мой поклон м-ль вашей дочери, равно как и м-ль Нетти.

В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

3 ноября 1826 г. Из Торжка в Москву

Перевод:

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п.— но мадригал и чувства сделались одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников — я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.[1]— мой добрый ангел, но *другая* — мой демон; это как нельзя более некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях.

Прощайте, княгиня,— еду похоронить себя среди моих соседей. Молитесь богу за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в четыре,— это будет с вашей стороны очень милым кокетством.— Вы, умеющая смастерить записочку лучше, чем покойная моя тетушка,— неужели же вы не проявите такой доброты? (NS: *записка* впредь будет синонимом *музыки*.) Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал.

Торжок, 3 ноября.

Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Решительно восстаю против этого.

[1] Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин. *(Прим. Пушкина.)*

А. Н. ВУЛЬФУ

27 октября 1828 г. Из Малинников в Петербург

Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает.

Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, все обстоит благополучно. Меня приняли с достодолжным почитанием и благосклонностью. Утверждают, что вы *гораздо хуже меня* (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностью и простодушием, отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец! какая скверная душа!* — но я притворился, что их не слышу. При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться.

Здравствуйте; поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукопожатие баронессе etc.

27 окт.

П. А. ОСИПОВОЙ

3 ноября 1828 г. Из Малинников в Тригорское

Перевод:

Тысяча благодарностей, сударыня, за внимание, которым вы удостаиваете вашего преданного слугу. Я бы непременно пришел к вам — но ночь внезапно

застала меня среди моих мечтаний. Здоровье мое удовлетворительно, насколько это возможно.

Итак, до завтра, сударыня, и благоволите еще раз принять мою нежную благодарность.

3 ноября.

А. А. ДЕЛЬВИГУ

Середина ноября 1828 г. Из Малинников в Петербург

Ответ Катенину

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый — мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

А. П.

Вот тебе в «Цветы» ответ Катенину вместо ответа Готовцовой, который не готов. Я совершенно разучился любезничать: мне так же трудно проломать мадригал, ⟨— — —⟩. А все Софья Остафьевна виновата. Не знаю,

долго ли останусь в здешнем краю. Жду ответа от Баратынского. К новому году, вероятно, явлюся к вам в Чухландию. Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно; жаль, что она хворает и все беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито; скажи это графу Хвостову. Петр Маркович здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбуторажил, он к ним прибежал: дети! дети! мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь — но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили. Здесь очень много хорошеньких девчонок (или девиц; как приказывает звать Борис Михайлович), я с ними вожусь платонически, и оттого толстею и поправляюсь в моем здоровье — прощай, поцелуй себя в пупок, если можешь. Сестра просит для своего *Голубчика* моего *Ворона*; как ты думаешь. Пускай шурин гравирует, а ты печатай. Vale et mihi favere [1], как Евгений Онегин. Баронессе не говорю ничего — однако ж целую ручку, но весьма чопорно.

[1] Будь здоров и благосклонен ко мне *(лат.)*.

А. А. ДЕЛЬВИГУ

26 ноября 1828 г. Из Малинников в Петербург

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была б всегда опровержеиьем
Его печальной клеветы.

Вот тебе ответ Готовцовой (черт ее побери), как ты находишь ces petits vers fraids coulants.[1] Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает. Правда ли, что ты едешь зарыться в смоленской крупе? видишь, какую ты кашу наварил. Посылаешь меня за Баратынским, а сам и драла. Что мне с тобою делать? здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина», и стращают мною ребят, как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривн роберт — и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока — скажи это на-

---

[1] Эти холодные и гладенькие стишки (*франц.*).

шим дамам; я приеду к ним омолодившийся и телом и душою ⟨———⟩ полно. Я что-то сегодня с тобою разоврался.

26 ноября.

Что «Илиада» и что Гнедич?

А. Н. ВУЛЬФУ

16 октября 1829 г. Из Малинников в Петербург

Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! то-то побесили б мы баронов и простых дворян! по крайней мере честь имею представить Вам подробный отчет о делах наших и чужих.

I) В *Малинниках* застал я одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром. Она приняла меня с обыкновенной своей любезностию и объявила мне следующее:

a) Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу посмотреть новых уланов.

b) Александра Ивановна заняла свое воображение отчасти талией и задней частию Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева.

c) Гретхен хорошеет и *час от часу делается невиннее.* (Сейчас Анна Николаевна объявила, что она того не находит.)

II) В *Павловском* Фридерика Ивановна страждет флюсом; Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило.

III) В *Бернове* я не застал уже толсто ⟨— — —⟩ Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов. Зато *Netty*, нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь. Вы знаете, что Миллер из отчаяния кинулся к ее ногам, но она сим не тронулась. Вот уже третий день как я в нее влюблен.

IV) *Разные известия*. Поповна (ваша Кларисса) в Твери. Писарева кто-то прибил, и ему велено подать в отставку. Князь Максютов влюблен более чем когда-нибудь. *Иван Иванович* на строгом диете (⟨— — —⟩ своих одалисок раз в неделю). Недавно узнали мы, что *Netty*, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный... Сим позвольте заключить поучительное мое послание.

16 октября.

Ф. Н. ГЛИНКЕ

12—13 августа 1830 г. (?) В Твери (?)

А. Пушкин просит Ф. Н. Глинку уделить ему несколько минут.

Ф. Н. ГЛИНКЕ

21 ноября 1831 г. Из Петербурга в Тверь

Милостивый государь
Федор Николаевич,

Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние «Северные цветы». Изо всех друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с коими, после

лицейских его друзей, более всего был он связан. Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист.

Надеюсь еще на Вашу благосклонность и на Ваши стихи. Может быть, увижу Вас скоро; по крайней мере приятно кончить мне письмо мое сим желанием. Весь Ваш без церемонии

А. Пушкин.

21 Н.

Н. Н. ПУШКИНОЙ

20 августа 1833 г. Из Торжка в Петербург

Торжок. Воскресение.

Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастию ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вче-

ра прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии. Ямщики закладывают коляску шестерней, стращая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, буду писать тебе из Ярополь́ца. От тебя буду надеяться письма в Симбирске. Пиши мне о своей груднице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не с кем. Однако все-таки не кокетничай. Кланяюсь и целую ручку с ермоловской нежностию Катерине Ивановне. Тебя целую крепко и всех вас благословляю: тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мне буря помешала с ним проститься и поговорить об Альманахе, о котором буду хлопотать дорогою.

Н. Н. ПУШКИНОЙ

21 августа 1833 г. Из Павловского в Петербург

Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска: между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой

и съезднл в Малнннникн; но и та уж подо мною не пляшет, не беснтся, а в Малннннках вместо всех Анет, Евпракснй, Саш, Маш etc живет управнтель Парасковин Александровны, Рейхман, который попотчевал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл трн рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают меня о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают — н какая ты: *брюнетка* илн *блондинка, худенькая* нлн *плотненькая?* Завтра чем свет отправляюсь в Ярополец, где пробуду несколько часов, н отправлюсь в Москву, где, кажется, должен буду остаться дня трн. Забыл я тебе сказать, что в Ярополье (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас н жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мон нежности: стыдно вам замечать чужне красоты, у вас у самого такая красавнца, что я встретя ее (?) ахнула. А надобно тебе знать, что M-lle Pojarsky ни дать ни взять M-me George, только немного постаре. Ты видншь, моя женка, что слава твоя распространнлась по всем уездам. Довольна ли ты? будьте здоровы все; помннт ли меня Маша, и нет лн у ней новых затей? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что лн?). Я веду себя хорошо, и тебе не за что на меня дуться. Пнсьмо это застанет тебя после твонх нменин. Гляделась лн ты в зеркало, и увернлась лн ты, что с твоим лнцом ннчего сравннть нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лнца. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ

3 июня 1834 г. Из Петербурга в Тверь

С живейшей благодарностью получил я письмо Ваше 30 марта и рукопись о Пугачеве. Рукопись была уже мне известна, она сочинена академиком Рычковым, находившимся в Оренбурге во время осады. В вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непременно воспользуюсь.

Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал случая Вам представиться и благодарить Вас, во-первых, за то истинное наслаждение, которое доставили Вы мне Вашим первым романом, а во-вторых, и за внимание, которого Вы меня удостоили.

С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекрасный отрывок читал я в альманахе Максимовича. Скоро ли он выйдет? и как Вы думаете его выдать — ради бога, не по частям. Эти рассрочки выводят из терпения многочисленных Ваших читателей и почитателей.

С глубочайшим и проч.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ

20 (?) мая 1836 г. В Тверь

Я все еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преследует.— Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство.— Отлагаю до сентября, то есть до возвратного пути; покамест поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно вас уважающий

Пушкин.

Несколько раз проезжая через Тверь... *

В. И. Колосов

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1827 ГОДУ

А. С. Пушкин не один раз был в Тверской губернии. Несколько раз проезжал он через нее во время своих поездок по России,— раз ночевал он при этом в самой Твери, провел одну ночь в Торжке и пробыл несколько дней в Старице и очевидно довольно хорошо познакомился с удобствами и неудобствами путешествия по Тверской губернии, что выразилось в его стихотворном письме С. А. Соболевскому.

Здесь мы читаем:

У Гальони иль Кальони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони,
Да яичницу свари [1].
На дороге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай [2]
И отправься налегке.

* В материалах этого раздела сохранены сокращения слов, орфография и пунктуация первых авторских публикаций. *(Примеч. сост.)*

К этому добавляет: «На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-ибудь заиятие».

Кроме этих кратких побывок в Тверской губернии, мимолетные впечатлеиия от которых Пушкии и выразил в этом шутливом стихотвореиии, он два раза проживал в Тверской губериии по нескольку недель. Из этих его пребываиий в Тверской губериии по письмам его и другим источиикам доселе известио одио продолжительное пребываиие его в Малинииках, помещичьем имеиии Старицкого уезда близ села Бериова. Это было в 1828 году, и на этот раз ои провел здесь коиец октября и весь иоябрь, а может быть и более, что ясио видно из дат его писем. В это время и случилась с ним здесь история, так мастерски и весело рассказаииая им в письме к барону Дельвигу. Это свое пребывание в Тверской губернии иаш геииальиый поэт ознамеиовал несколькими своими твореииями. В Малиииках в это время он написал Посвящение Полтавы, коичил VII песнь Онегиіа, иаписал Анчар, Опричиик, Утоплениик, Коирад Валлеирод, Подражаиие Анакреоиу и др. менее значительиые произведения. Это пребываиие Пушкина в Малинииках оставило в нем навсегда самое приятное воспомииаиие, что ои и выразил в следующем шутливом экспромте-двустишии:

Хоть малииой ие кормите,
Но в Малиииики возьмите[3].

Кроме этого продолжительиого пребывания его в Малиииках, как это видио из его писем, ои заезжал сюда иа короткое время в половине октября 1829 года, при возвращении своем из Арзерума. В этот раз ои был и в соседием с Малиииками сельце Павловском. В Павловское заезжал он и в 1833 году, и провел здесь на этот раз должно быть иесколько дней,— «здесь объедаюсь я вареиьем и проиграл три рубля в двадцать

четыре робберта в вист» — писал он отсюда в это время своей жене. Все эти заезды А. С. Пушкина в Тверскую губернию, равно как и двухнедельное пребывание в сельце Павловском, о котором мне удалось собрать несколько сведений, связывались с общеизвестной семьей П. А. Осиповой. Первым мужем ее был Николай Иванович Вульф. Он был сын Ивана Петровича Вульф, очень богатого помещика Тверской губернии, у которого кроме него были еще дети: Павел, Иван и Петр. Дети после отца разделили наследство, и Павел Иванович получил сельцо Павловское, Иван Иванович — Берново, а Малинники достались Николаю Ивановичу. Сюда и заезжала иногда Пр. Ал. Осипова, как в принадлежавшую ее детям вотчину. Вместе с ней заезжал сюда и Пушкин, находившийся к этой семье в таких близких отношениях. Здесь он познакомился и с родственником Осиповой по мужу, Павлом Иван. Вульф, человеком в высшей степени добродушным и гуманным. Несмотря на большую разницу лет, они скоро сошлись, и сам Пушкин в одном письме своем к жене пишет о нем: «приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне как родному».

К нему-то, а не к Эгельстрому, как говорится в примечаниях к изданию Литер. фонда [4], и заезжал при каждом удобном случае Пушкин, как это ясно видно из его писем [5]. О двухнедельном пребывании А. С. Пушкина в сельце Павловском у Павла Ивановича Вульф, пребывании, неизвестном, кажется, ни одному из биографов Пушкина, нам и удалось собрать несколько небезынтересных сведений от одной старушки, проживающей в настоящее время в Твери, о которой мы узнали совершенно случайно.

Старушка эта — Катерина Евграфовна Синицына, вдова священника Затьмацкой Покровской церкви, имеющая в настоящее время 76 лет от роду. Отец ее, священник Тверской Козьмодемьяновской церкви,

Евграф Аидреевич Смирнов, был урожеицем села Бериова, вотчииы Ивана Петровича Вульф; товарищ детских игр всех детей его. Отсюда и возиикли теплые отиошения к нему и его семье всех Вульфов, все усиливавшиеся еще тем, что ои, будучи зиатоком граждаиских закоиов, иеоднократио хлопотал по их делам в тверских судебиых местах. Поэтому-то по смерти его Павел Иваиович Вульф и предложил вдове его отдать ему иа воспитаиие 11-летиюю сироту Катерииу Евграфовиу. Та согласилась. Так Катерина Евграфовиа и попала в семью Павла Иваиовича Вульф. И Павел Иваиович, и жеиа его, Фредерика Ивановиа, сиачала хотели воспитать ее как барышию, выучить ее языкам и т. п., ио по совету одиой барыии ограничились только тем, что выучили ее читать, писать, иемиого арифметике, свящ. истории и еще кой-чему другому, ио отиосились к ией всегда с полиою добротою, как к дочери,— «дочкой своей» иеоднократно и называл Павел Иваиович. Пробыв здесь три года, оиа взята была матерью своею к себе в Тверь, но иногда ездила гостить к Павлу Иваиовичу в Павловское, где и встречала всегда по-прежиему самый радушный прием. В одио из своих таких пребываиий в Павловском оиа и столкиулась с А. С. Пушкииым и провела с иим под одиой кровлей целые две иедели.

О впечатлеииях своих от этого столкиовения с А. С. Пушкиным оиа и рассказала иам, иасколько оии сохраиились в ее памяти. Я постарался воспроизвести ее рассказ с полиою его безыскусствеииостью. Вот ои:

«В яиваре 1826 или 1827 года приехала я в Старицу вместе с семейством Павла Ивановича Вульф. Тут иа семейном бале у тогдашнего старицкого исправника, Василия Иваиовича Вельяшева, женатого иа сестре Павла Ивановича, Наталье Иваиовие, я и встретила в первый раз А. С. Пушкииа. Я до этого времеии ие знала Пушкииа и иичего про него не слыхала и не

поннмала его значення, но он прямо бросился мне в глаза. Показался он мне нностранцем, танцует, ходит както по особому, как-то особенно легко, как будто летает; весь какой-то воздушный с большими ногтями на руках.

«Это не русскнй?» — спроснла я у матери Вельяшева, Катерины Петровны. «Ах, матушка! Это Пушкин, сочинитель, прекрасные стихи пишет»,— отвечала она. Здесь мне не пришлось познакомиться с Александром Сергеевнчем. Заметнла я только, что Пушкнн с другим молодым человеком постоянно вертелись около Катерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка; особенно чудные у нее былн глаза. Как говорилн после, онн старались не оставлять ее наеднне с Алексеем Николаевичем Вульф, который любнл влюблять в себя молоденькнх барышень и мучить нх. Чрез два дня поехали мы в Павловское. Прнехалн сюда так к обеду; следом за нами к вечеру приехал н Александр Сергеевнч вместе с Алексеем Николаевичем Вульф н пробылн в Павловске две недели. Тут мы с Александром Сергеевичем сошлись поблнже. На другой день сели за обед. Подали картофельный клюквенный кисель. Я н вскрнкнула на весь стол: «Ах! Боже мой! Клюквенный кисель!»

«Павел Иванович! позвольте мне ее поцеловать»,— проговорил Пушкнн, вскочнв со стула.

«Ну, брат, это уже ее дело»,— отвечал тот.

«Позвольте поцеловать вас»,— обратнлся он ко мне.

«Я не намерена целовать вас»,— отвечала я как вполне благовоспитанная барышня.

«Ну, позвольте хоть в голову»,— и, взяв голову руками, пригнул и поцеловал.

Прасковья Александровна Осипова, вместе с своей семьей бывшая в одно время с Пушкиным в Малинниках илн Бернове, высказала неудовольствне на то, что тут, наравне с ее дочерьмн, вращается в обществе какая-то

поповна. «Павел Иванович,— говорила она,— всем открывает в своем доме дорогу, вот какую-то поповну поставил на одной ноге с нашими дочерьми». Все это говорилось по-французски, я ничего и не знала, и только после уже Фредерика Ивановна рассказала мне все это. «Прасковья Александровна осталась очень недовольна,— говорила она, между прочим,— но спасибо Александру Сергеевичу, он поддержал нас». Когда вслед за этим пошли мы к обеду, Александр Сергеевич предложил одну руку мне, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксии Николаевне, бывшей в одних летах со мной; так и отвел нас к столу. За столом он сел между нами и угощал с одинаковой ласковостью как меня, так и ее. Когда вечером начались танцы, то он стал танцевать с нами по очереди,— протанцует с ней, потом со мной и т. д. Осипова рассердилась и уехала. Евпраксия Николаевна почему-то в этот день ходила с заплаканными глазами. Может быть и потому, что Александр Сергеевич после обеда вынес портрет какой-то женщины и восхвалял ее за красоту, все рассматривали его и хвалили. Может быть и это тронуло ее,— она на него все глаза проглядела. Вообще Александр Сергеевич был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении. Часто вертелись мы с ним и не в урочное время.

«Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли нам с вами для аппетиту протанцевать вальс-казак. Ну, вальс-казак то мы с вами, Катерина Евграфовна, уж протанцуем»,— говаривал он до обеда или во время обеда или ужина.

Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича он за это время

сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: «Ну, разве можно так обыгрывать учителя?» А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его. «Никогда не буду играть с вами... это ни на что не похоже»,— загорячится обыкновенно при этом Пушкин.

Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке.

Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее. Ходил он в черном сюртуке. На туалет обращал он большое внимание. В комнате, которая служила ему кабинетом, у него было множество туалетных принадлежностей, ногтечисток, разных щеточек и т. п.

Павел Иванович был в это время много старше его, но отношения их были добродушные и искренние.

«На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право не подвинется»,— неоднократно, шутя, говорил Пушкин. Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему.

Был со мной в это время и такой случай. Один из родственников Павла Ивановича пробрался ночью ко мне в спальню [6], где я спала с одной старушкой-прислугой.

Только просыпаюсь я, у моей кровати стоит этот молодой человек на коленях и голову прижал к моей голове...

«Ай! Что вы?» — закричала я в ужасе.

«Молчите, молчите, я сейчас уйду»,— проговорил он и ушел.

Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне.

«Молодец вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери отворены, что нечего и предупреждать, а вышло не то»,— несколько раз повторял Александр Сергеевич. Задал этому молодцу нагоняй и Павел Иванович.

Узналось это так. Загадала Фредерика Ивановна мне на картах: «Ты оскорблена, говорит, трефовым королем». Я и заплакала и рассказала все.

Все относились к Александру Сергеевичу с благоговением. Все барышни были от него без ума. Павел Иванович считал его посещение за большое удовольствие и честь для себя. Уехал Александр Сергеевич в Москву, кажется, и приехал сюда оттуда же, и даже в это время едва ли не в Москву же уезжал он на несколько дней».

Кроме этого Катерина Евграфовна сообщила еще некоторые сведения о Марье Васильевне Борисовой, о которой Пушкин дает такой восторженный отзыв.

«Марья Васильевна Борисова была сирота, дочь помещика, близкая моя подруга, несколько постарше только. Была она очень красивая, имела выразительные глаза и черные волосы. Воспитана она была просто. Мать ее сильно выпивала.

Через несколько лет встретила я в Торжке у Львова А. П. Керн, уже пожилою женщиною. Тогда мне и сказали, что это героиня Пушкина — Татьяна.

...и вслед выше
И нос, и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

Эти стихи, говорили мне при этом, написаны про ее мужа, Керн, который был пожилой, когда женился на

ней. Анна Николаевна Вульф, по моему мнению, не подходит к Татьяне, она была уже зрелая, здоровая такая, когда я ее видела».

Вот и все, что рассказала мне названная мною старушка. Рассказ этот не сложен и не особенно богат фактами, но нельзя отказать ему в том, что он сообщает несколько новых и любопытных подробностей жизни и характера нашего великого поэта. На основании этого рассказа должно установить, во-первых, тот, еще неизвестный биографам Пушкина факт, что Александр Сергеевич в январе 1827 г. провел две недели в сельце Павловском, Тверской губернии, в доме Павла Ивановича Вульф. Старушка, правда, не говорит этого с полною решительностью, но только к этому выводу и можем мы придти на основании ее рассказа и уже имеющихся готовых данных о Пушкине. Она твердо помнит, что был Пушкин в сельце Павловском вместе с А. Н. Вульф, и именно в январе, а в 1828 г. он с глубоким комизмом доносит этому Вальмону о положении его сердечных историй. В 1829 г. Вульфа тоже не было в Павловске вместе с Пушкиным, и «поповна», наша рассказчица, по письму его, Вульф, была в это время в Твери. Он называет ее тут «ваша Кларисса», очевидно, намекая на один из рассказанных нами фактов. Никогда и после этого Пушкин и Вульф не съезжались вместе в Тверской губернии, так что это пребывание Пушкина в сельце Павловске только и могло иметь место тогда, так как Пушкин получил право свободного выезда из деревни только в декабре 1826 г.; приехать же в Павловское без разрешения в январе 1826 г., тотчас после бунта декабристов, в сочувствии к которому он подозревался, Пушкин положительно не мог. Единственное печатное указание на эту поездку можно находить в следующих стихах его, посвященных Катерине Васильевне Вельяшевой...

По прежню следу
В ваши мирные края
Чрез год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Это стихотворение написано Пушкиным между 15 июня и 3 октября 1828 г. Этот наш вывод, повидимому, противоречит решительному утверждению Анненкова, что всю зиму 1827 г. Пушкин провел в Москве. Но из писем Пушкина видно, что он и в этом году выезжал из Москвы и был во Пскове; впрочем, и сам Анненков, переставляя даты некоторых писем этого года, повидимому, сознавал противоречие этого своего утверждения с данными переписки.

Общеизвестный факт, что пребывание в деревне имело на Пушкина самое плодотворное влияние. Здесь он, утомленный душной атмосферой большого света, отдыхал душой. Здесь он, как Антей, прикасаясь к нашей общей матери русской земле, получал новые силы для своего вдохновенного творчества. Нельзя не отметить, что точно такое же влияние производило на него и пребывание в Тверской губернии. Окруженный полным и искренним вниманием со стороны всех соприкасавшихся с ним, вниманием, доходившим иногда до благоговения пред его личностью и творчеством, он всегда находился в самом лучшем и бодром настроении духа, что ясно видно из его писем, написанных из Тверской губернии. В них он всегда весел, остроумен и игрив. Полный сознания равновесия душевных сил, он и в отношении к другим являлся здесь всегда гуманным, ласковым, добрым и предупредительным. Здесь не было и тени той раздражительности и того едко-беспощадного остроумия, которым он навлекал на себя немало неприятностей, живя в больших городах. Неудивительно поэтому, что Александр Сергеевич показался нашей старушке таким красавцем,— таким он и выглядел обыкновенно, когда бывал в ясном и спокойном состоя-

нии духа, как об этом свидетельствуют и другие его современники. Все это дает нам возможность яснее воспроизвести светлую нравственную физиономию нашего гениального поэта, которая так часто потемнялась от душевного разлада, возникавшего в душе его, вследствие более сильного несоответствия запросов его мощного духа с явлениями светской жизни больших городов.

Какою добротою и гуманностью проникнуты его отношения к нашей рассказчице! Как умно, чисто по-пушкински ответил он на нападки на нее во имя породы со стороны породистой барыни! Такое гуманное отношение гениального поэта к этой сироте, ничтожной с точки зрения породы, по всей справедливости, заставляет призадуматься и вообще над упреками Пушкину в аристократизме. В самом деле, не нужно забывать, что знаменитая в этом отношении его «родословная» направлена им не против низших, а против высших, против людей, выдававшихся не умом и дарованиями, словом, против потомков, «известной подлостью прославленных отцов». Не нужно забывать, что рука же Пушкина писала и эти стихи, особенно выразительно характеризующие его отношение к низшим:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой.
Здесь барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою множить

Дворовые толпы нзмученных рабов...
О, еслн-б голос мой умел сердца тревожнть!
....
Увнжу-ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство падшее по манню царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет лн, наконец, прекрасная заря.

Сообщение старушкн о том, что оригиналом Татьяны была для поэта Анна Петровна Керн, расходнтся с общераспространенными, хотя н не установившимнся мненнямн по этому предмету. П. В. Анненков виднт в Татьяне и Ольге отраженне Анны Нниколаевны н Евпраксин Нниколаевны Вульф; другие указывают на какую-то одесскую Татьяну, о которой пншет Пушкнну Раевскнй; за последнее время стало распространяться мнение, что прототнпом Татьяны послужнла графиня Воронцова, к которой Пушкин чувствовал какое-то особое благоговенне. Что касается несложного образа Ольгн, то мненне Анненкова едва лн не вполне справедлнво; по крайней мере, оно находнт себе полное подтверждение в экземпляре 4-й н 5-й глав «Евгення Онегина», подаренном Пушкнным Евпраксин Ннколаевне 22 февраля 1828 года с собственноручной подписью: «Твоя от твонх». Находнт это мнение подтверждение себе и в стнхотворениях, посвященных поэтом Евпракснн Нниколаевне. Выработка же днвного н более сложного образа Татьяны несомненно требовала от автора и большого труда, и матернала. Тайны творчества лучшнх поэтнческнх образов, без сомнения, трудно уловнмы и едва ли не навсегда останутся тайною, но, кажется, самое лучшее не стараться прнурочить этот в высшей степенн сложный н законченный лнтературный тнп к одной определенной личностн. Едва лн поэт не совместнл в этом лучшем нз женскнх типов русской лнтературы характерных черт лучшнх женщнн, встреченных нм в тогдашней русской жнзни. С этой

точки зрения с полным удобством и вероятностью могут быть примирены все эти, с первого взгляда столь многоразличные, показания относительно данного предмета. С этой точки зрения получает свою долю ценности и сообщение нашей старушки относительно Анны Петровны Керн, тем более, что в данном случае она является выразительницей мнения об этом предмете тогдашнего общества, близко интересовавшегося судьбами и творчеством поэта. Судя по прекрасному и прочувствованному стихотворению Пушкина, посвященному Анне Петровне Керн, можно заключить, что она относится к плеяде лучших женщин, возбуждавших в поэте идеальные чувства. Говорим это, не смотря на то, что г-н Незеленов чуть не в целой особой главе своего сочинения силится, по нашему мнению, безуспешно, доказать низменность чувства поэта к той женщине [7]. Сходство участи Анны Петровны Керн, красавицы, в молодых летах выданной за пожилого генерала, с участью Татьяны просто соблазнительно и едва ли не подтверждает сообщения старушки, что Анна Петровна Керн послужила одной из точек отправления для создания чудного образа Татьяны.

В заключение не можем не высказать надежды, что будущее, может быть, подарит нас открытием новых следов величайшего русского поэта на тверской почве. Одно из основных свойств великих людей то, что они проницают величием своего духа едва ли не каждый шаг своей жизни, и в жизни их, стало быть, нет мелочи, которая бы не заслуживала нашего внимания.

Ознакомившись с подробностями пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Тверской губернии, мы решились посетить самые места, где в не особенно давние времена бывал наш великий поэт. Побывали

мы при этом в Малинниках, Павловском и Бернове; но немного нашли мы здесь следов великого человека,— так быстро изглаживает их наша жизнь. В Малинниках цел еще дом, в котором гостил некогда Александр Сергеевич. Теперь это поместье, за смертью А. Н. Вульфа, принадлежит сыну Евпраксии Николаевны — барону Вревскому. Осмотрели мы этот дом, в одной половине которого живет теперь управляющий Вревского; нам не показали при этом даже комнаты, которую занимал некогда А. С. Пушкин. Павловское, по смерти умершего в бедности Павла Ивановича Вульфа, перешло уже в третьи руки, и самый дом, в котором гостил некогда А. С. Пушкин, представляет уже развалину, правда довольно живописную; очевидно, что недалеко уже время, когда исчезнет и этот последний свидетель пребывания здесь Пушкина. За полгода до нашего приезда сюда умер в Малинниках и повар Сидор, видавший здесь Пушкина и помнивший его.

Несколько небезынтересных сведений получил я только в селе Бернове от почтеннейшего Николая Ивановича Вульфа, сына Ивана Ивановича, к которому мы явились с рекомендацией от председателя Тверской архивной комисии А. К. Жизневского. Николай Иванович неоднократно видал А. С. Пушкина в селе Бернове, где он не один раз гостил по одному, по два дня, но ему было в то время только 12 лет, и поэтому только немногое сохранилось в его памяти.

По его словам, А. С. Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа на постели, положив бумагу на подогнутые колени. В постели же он пил и кофе. Не один раз писал так Александр Сергеевич тут свои произведения, но никогда не любил их читать вслух для других. Однажды мать Николая Ивановича долго и сильно упрашивала Александра Сергеевича прочесть вслух что-нибудь из своих стихов. После долгих отказов, Александр Сергеевич, повидимому,

согласился и пошел за книгой; придя с книгой, он уселся и начал, к ее удивлению и разочарованию, читать по стихам псалтырь. Не один раз видел Николай Иванович, как Пушкин большими шагами ходил по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая со своим собеседником, чаще, впрочем, с собеседницей. Сообщил он мне и предание, по которому сюжет «Русалки» Пушкину подала судьба дочери одного мельника их имения. По этому преданию дочь этого мельника была влюблена в одного барского камердинера; этого камердинера за какую-то вину барин отдал в солдаты, и она с отчаяния утопилась в мельничной плотине. Нас приводили на эту плотину и показали сам омут, в котором, по преданию, она утопилась. Действительно, вид запущенной, со всех сторон поросшей лесом, плотины с глубоким бездонным омутом среди ее, в связи с этим преданием о судьбе дочери мельника, мог запасть в чуткую душу поэта, но за полную достоверность этого предания все-таки поручиться довольно трудно. Анна Ивановна Вульф, о которой Пушкин в одном из своих писем пишет: Ecce Foemina — родная сестра Николая Ивановича и, по его словам, была очень умная, образованная и симпатичная девушка и при всем этом красавица.

Благодаря полному радушию и гостеприимству хозяев, осмотрели мы и замечательный сад, находящийся при поместьи Николая Ивановича. Сад этот, раскинутый, как говорят, на 12 десятинах и заключающий в себе немалое число вековых деревьев, составляет, действительно, лучшее фамильное достояние. Здесь нам показали небольшую горку, живописно поросшую разного рода деревьями, кем-то и когда-то прозванную Парнасом. Не раз, вероятно, побывал на этом Парнасе и светило нашей поэзии А. С. Пушкин, и не один раз, вероятно, поэтический замысел вызрел здесь в его мощном духе. Несколько поколений дворянских, стараясь

оставить после себя какой-либо след в этом саду, вырезало что-либо на многочисленных деревьях этого сада. Мы искали среди этих, наполовину уже заросших вырезок какого-либо следа великого поэта, но нашли только две с трудом разбираемые строчки, гласящие: «Прости! Как страшно это слово!» Кем и когда были начерчены эти слова, этого нам никто объяснить не был в состоянии.

В поместье Нивы, принадлежавшем некогда Федору Ивановичу Вульфу, встретили мы одного дворового человека, видевшего в Малинниках и Тригорском А. С. Пушкина. Но он, несмотря на все наши расспросы, сообщил нам очень немного сведений. «Хороший был барин,— говорил он нам про Пушкина,— редкий человек... с Алексеем Николаевичем большие они приятели были... Любили они посмеяться... Никого никогда не обижали». Вот несколько отрывочных фраз, сказанных им про А. С. Пушкина.

Вот и все, что мы могли собрать на месте, некогда посещенном нашим великим поэтом. Хотелось нам приобрести вид с домов в Павловском и Малинниках, в которых не раз бывал Пушкин, но за неумением рисовать, нам пришлось отказаться от этого намерения.

1888

---

[1] Итальянец Гальони, правильнее Гальяни, имел в то время в Твери ресторан или гостиницу, которая и считалась тогда лучшею. В ней и останавливались обыкновенно более состоятельные проезжающие. По этому ресторану в Твери и доселе называется Гальянова улица, на левом углу которой, рядом с Мироносицкой улицей, и стоял этот ресторан. Здесь-то неоднократно бывал и Пушкин, и здесь-то когда-нибудь он и ел эти так запомнившиеся ему «с пар-

мезаном макарони», как он называет их, очевидно передразнивая иностранное произношение хозяина ресторана. Одна современница Пушкина, с которой познакомил нас А. К. Жизневский, передавала нам недавно, что однажды её муж, тогда еще молодой человек, 16-ти лет, встретил здесь Пушкина и рассказывал об этом так:

«Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги и глотает персики. Как он напомнил мне обезьяну!» Любопытно, как быстро интеллигентный подросток того времени старался отыскать в Пушкине обезьяну.

[2] Пожарская содержала в то время гостиницу или постоялый двор в Торжке и славилась своим искусством готовить особенно вкусные котлеты. Ее рецепт котлет встречается в старинных кулинарных книгах под названием котлет пожарских. Рассказывают, что её даже вызывал из Петербурга император Николай Павлович, чтобы она выучила его повара готовить такие котлеты. И у неё не раз останавливался Пушкин, когда проезжал через Торжок.

[3] Со слов современницы Пушкина.

[4] Смотри изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 213, 318 и др. Это отчасти видно и из самих писем Пушкина.

[5] П. И. Эгельстром был помещик Тверской губернии,— имение его было в селе Пречистой Каменке Новоторжского уезда. Он был родом швед, плохо говорил по-русски, но с усердием, заслуживающим лучшей участи, писал, как он говорил, «штыхи» на русском языке. Возле Пречистой Каменки жил и другой помещик Копылов, большой зубоскал, потешавшийся над Эгельстромом. Эгельстром в одно из пребываний А. С. Пушкина в Тверской губернии и заявился к нему в качестве собрата по поэзии, предъявив на его усмотрение произведения своей музы. Должно быть при этом он жаловался на несносные обиды завистника своего Копылова. По этому-то поводу Пушкин и посвятил ему свое саркастическое стихотворение, где он, между прочим, пишет:

О, Эгельстром! Я восхищенный
Читал творения твои:
Твой стих, лишь гением внушенный,
Блестит, как солнце в ясны дни.
. . . .

Поэт, сын Феба вдохновенный,
Как мил для нас твой каждый стих.
Скажи, почто певец смиренный,
От света ты скрываешь их?
Пусти в печать свои творенья,
Заслужишь множество венцов —
Мы все помрем от восхищения (т. е. от смеха)
О, Эгельстром, ты — царь певцов!

Последний стих в первоначальной редакции, говорят, читался иначе, а именно:

О, Эгельстром, ты — царь глупцов!

Насколько, действительно, этот наш местный поэт заслуживал названия «царя глупцов», видно из следующего двустишия этого «вдохновенного сына Феба», сохраненного преданием:

Ох, ты, плешивый сатана!
Любитель кушать сметана.

(Со слов купца Томилова. Это двустишье, по его словам, написано Эгельстромом на его дворецкого, которого он застал лижущим сметану при помощи пальца.)

Понятно, что с этим Эгельстромом у Пушкина не могло быть и тени тех теплых дружеских отношений, которые ясно видны из тех мест его переписки, где он упоминает Павла Ивановича Вульф.

[6] А. Н. Вульф.

[7] А. С. Пушкин в его поэзии, Незеленова, 1882 года, со стр. 233 до конца книги. Для доказательства неправильности воззрений г. Незеленова достаточно припомнить два места из прочувствованного и глубоко-поэтического стихотворения Пушкина к А. П. Керн. Решаюсь привести эти два отрывка из этого чудного стихотворения:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,

Звучал мие долго голос нежный
И снились мнлые черты.

. . . .

. . . .

Душе настало пробужденье,
И вот опять явнлась ты,
Как мимолетное вндеиье,
Как гений чнстой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскреслн вновь
И божество, н вдохновенье,
И жнзнь, и слезы, и любовь.

Что ин говорн, а так ие пншут н так не чувствуют при одной ннзменной страстн.

И. А. Иванов

О ПРЕБЫВАНИИ А. С. ПУШКИНА В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Пребыванием А. С. Пушкина в нашей губернии занимались два члена Тверской ученой архивной комиссии: 18 мая 1888 г. Вл. Ив. Колосов прочел в комиссии по этому предмету реферат, а в настоящем году в № 68 Москов. Ведом. помещена заметка Н. Н. Овсянникова о Малинниках, в связи с воспоминаниями об А. С. Пушкине. Пользуясь трудами моих уважаемых сочленов, а частью и опираясь на собственные, к сожалению, крайне спешные разыскания, я желал бы сообщить Вам, в тесных пределах отмежеванного мне времени,— наиболее интересные сведения о местностях, посещенных Пушкиным в Тверской губернии, и о людях, с которыми он здесь сближался, которых касался своим метким стихом или не менее замечательным прозаическим словом.

В Старицком уезде, по берегам быстрой, мелководной Тьмы, на пространстве 10 верст находились три помещичьих усадьбы: Берново и Малинники по краям, Павловское в середине. Берново отстоит от Старицы в 25 в., Малинники — в 35. Вот эти-то места и были осчастливлены посещениями великого нашего поэта четыре раза: в 1827, 1828, 1829 и 1833 гг. Каждый раз он проводил здесь по нескольку дней, а иногда и неделе. В это время все три названных имения принадлежали Вульфам: Ив. Иван.— с. Берново, брату его Павлу — с-цо Павловское (нарочито для него и основанное), и племяннику их Алексею Николаевичу — д. Малинники. Но Вульфы не были природными старицкими помещиками — они переселились сюда из Псковской губернии. В первой половине прошлого столетия весь берновский приход составлял одно громадное владение некоего Калитина (до сего времени вся эта местность носит название Калитинщины). При императрице Елизавете Петровне Калитину сдан был удивительный подряд: засадить всю дорогу от Петербурга до Москвы липами; конечно, подряд был не исполнен, и имение Калитина отобрано в казну: вслед затем, по Высочайшему повелению, оно было передано родственнику Калитина (свояку), бригадиру Петру Гавриловичу Вульфу, которому пришлось заплатить в казну за 24 000 д. населенной земли (с крестьянами) всего лишь 500 р., так как остальные начеты были прощены. Устроителем здесь помещичьей усадьбы должен считаться сын Петра, Иван, бывший орловским губернатором; под влиянием своей гордой супруги, урожденной Муравьевой, Ив. Петр. Вульф построил каменный дом на новом месте, подальше от села; теперь барскую усадьбу отделяет от сельчан обширный сад, раскинувшийся на 12 д. Сад делится на две части,— собственно сад из правильно разбитых липовых аллей и парк, похожий на лес.

Ив. Петр. Вульф, тайн. сов. н кавалер, как гласнт надпнсь на портрете, умер в 1814 г. Еще прн жнзнн он распоряднлся своим нмуществом, выделнв старшему сыну Нпколаю родовое псковское именне Трнгорское и старицкое Малннннкн. Жена Ник. Ив., Прасковья Александровна, оставшнсь вдовою, жнла с детьмн в Тригорском, которое находнтся верстах в трех от нмения Пушкнных — Михайловского илн, по простонародному названию, Зуева.

Знакомство А. С. со вдовою Вульф (вышедшею потом замуж за Осипова) н ее детьмн началось с самых ранннх лет. Сын Прасковьи Александровны Алексей был почтн сверстником Пушкнна, а сестры Алексея Нпкол. Анна н Евпраксия делнли между собою детскне и юношескне снмпатнн поэта; нм, как н их матерн, Пушкнн усердно посвящал свои стнхотворення, собственноручно впнсывая нх в альбомы. Но особенное сблнженне его с семейством Прасковьи Александровны пронзошло во время вынужденного его пребывання в Мнхайловском,— с 1824 по 1826 г. Редко проходнл день, когда бы А. С. не навещал своих милых соседей. Прасковья Александровна деятельно н не без успеха хлопотала о разрешенни Пушкнну покннуть Мнхайловское. Блнже всех стоял к поэту сын Праск. Александровны, дерптскнй студент Алексей Нпколаевнч, что ясно вндно из того места запнсок А. С. Пушкнна, где он говорнт: «В конце 1826 г. я часто вндался с однмм дерптскнм студентом. Он много знал, чему научаются в уннверснтетах... разговор его был прост н важен. Его заннмалн такне предметы, о которых я и не помышлял». Само собой понятно, что, когда Ал. Нпк. Вульф, получнв отцовское нмение, переселился в Малннннкн, Пушкнн постарался тотчас его навестнть. Но Малнннннкн былн не более, как только главною квартирою А. С.; по тогдашнему доброму обычаю, заезжнй ннтересный человек, а тем более друг, был желанным гостем не

одного только семейства, но и всех его родственников и знакомых. Притом же, как бы ни был учен и глубокомыслен друг Пушкина,— воспитанник полунемецкого университета,— все же многосторонняя и требовательная натура поэта не могла удовлетвориться одними его умными беседами; особенно же было тягостно для Пушкина лишение той части общества, которую никто с таким искренним и сильным чувством не считал прекрасною, как А. С. Пушкин. Впрочем, эти стремления вполне разделял, несмотря на свою видимую серьезность,— и его друг Вульф.

Теперь Малинники очень скучное место, и думается, что оно всегда таким и было. Там нет ни парка, ни сада. Старый помещичий одноэтажный дом времен Пушкина отлично сохранился; он выстроен из корабельного леса. Посредине широкое открытое крыльцо поддерживается колоннами из толстых сосновых бревен, комнаты низкие, глубокие и мрачные; кое-где остались еще потолки с матицами; окна небольшие и их мало (не очень давно подъемные рамы заменены обыкновенными створчатыми); мебель старинная, красного дерева, кресла жесткие, неудобные, с закругленными цельными деревянными спинками; на стенах висят два-три зеркала в старинных красивых рамах красного дерева да единственный портрет прежнего владельца Малинников, Ал. Ник. Вульфа...

После смерти Ал. Ник. Вульфа село Малинники перешло к его сестре Евпраксии Никол., вышедшей замуж за барона Вревского.

Однако возвратимся к прерванному рассказу о том незабвенном прошлом, когда унылые Малинники озаряло и согревало солнце русской поэзии — А. С. Пушкин. Не подолгу засиживаясь здесь, А. С. и его друг были в постоянных разъездах по соседним помещичьим усадьбам, начиная, конечно, с родственных домов,— в Бернове и Павловском. Здесь встречала поэта доро-

гая для него и давно знакомая нравственная вульфовская атмосфера,— тонкого женского понимания его высокого призвания, самого искреннего и милого восхищения перед его талантом, глубокой, преданной, нежной дружбы, легко способной перейти в серьезную привязанность. Здесь он встречал и своих старых знакомых,— сестер А. Н. Вульфа из Тригорского, прозванных им «красавицами гор». Семейное предание Вульфов утверждает, что Пушкин неоднократно возобновлял свое предложение «полувоздушной деве гор» — Евпраксии Николаевне, но всякий раз получал отказ, так как Евпр. Ник. мало надеялась на постоянство изменчивого в чувствах поэта. Кроме Евпр. Ник., Пушкин отличал своим вниманием ее кузин: Екатерину Вас. Вельяшеву, вышедшую замуж за Жандр, и особенно Анну Петровну Керн, урожденную Полторацкую; той и другой он посвятил прелестные стихотворения. Анну Петр. Керн считают прототипом Татьяны, основываясь, главным образом, на том, что ей посвящены эти прекрасные стихи «Я помню чудное мгновенье...».

Расставаясь навсегда с гостеприимным Старицким уездом, поэт в 1833 г. прислал с дороги общий прощальный привет всем прекрасным дамам, в кругу которых он здесь вращался:

Когда б ие смутное влечеиье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — иаслаждеиье
Вкушать в иеведомой тиши!..

Но Вульфы мужчины относились к великому поэту далеко не с таким энтузиазмом, хотя А. С. Пушкин и делает одному из них, именно Павлу Иван. Вульфу, великую честь, выдавая его за своего сотрудника по стихотворству.

На самом деле братья Вульфы, хотя и принимавшие А. С. Пушкина с отменным радушием и гостеприимст-

вом, были людьми довольно прозаическими и большими флегматиками. Про Павла Иван. рассказывают, что, когда он служил еще в конно-гренадерах, то за участие в похищении чьей-то невесты был посажен под арест, брату Ив. Ив. удалось выхлопотать ему освобождение раньше срока; когда Ив. Ив. приехал на гауптвахту, чтобы объявить об этом брату, тот с неудовольствием сказал: «Напрасно ты, брат, беспокоился, я здесь отлично устроился». Другой подобный рассказ относится к Федору Иванов. Вульфу. Однажды он охотился на тетеревей; вдруг примчавшийся верховой докладывает, что его усадьба в Нивах горит. Федор Иван. обзывает его дураком за то, что он помешал ему выстрелить, и спокойно прибавляет, что «Верочка (жена) там распорядится»... Не торопясь вернулся он домой, когда усадьба сгорела, и пожар совершенно прекратился.

Два следующих портрета знакомят нас с владельцем Бернова в период пушкинских посещений — Ив. Ив. Вульфом и его супругой Надеждой Гавриловной, урожденной Борзовой. Портреты не без таланта написаны собственным крепостным художником. Трудно найти более разительные контрасты, чем эти супруги Вульфы. Кто же из них ближе стоял к Пушкину? Конечно, не этот толстый господин в своем привычном костюме, бухарском халате, дорожащий своим спокойствием не меньше Обломова, а эта красивая изящная дама, кокетливо и по моде одетая и причесанная.

Берново полно воспоминаниями о Пушкине. Прочно выстроенный дом потерпел мало изменений; в нем теперь до 30 комнат, но в пушкинские времена верхний этаж и мезонин были почему-то не отделаны; средняя комната нижнего этажа с дверью в сад была гостиной; теперь в точности неизвестно, какая именно комната отводилась Пушкину во время его приездов; вероятно, не всегда одна и та же. Дни и вечера А. С. отдавал

приятному обществу, но по утрам много писал, часто еще оставаясь в постели. Недаром же в Берновском парке есть курган, названный, вероятно, в честь Пушкина, Парнасом; вблизи его высятся вековые деревья,— есть ели и березы в два обхвата. Парнасские деревья были испещрены надписями; теперь явственно виден только изящный вензель,— переплетенные буквы — Е и Р (французские); на березе в углу Парнаса чуть заметна довольно длинная надпись; по некоторым сохранившимся буквам можно еще прочесть начало: «Прости на век! как страшно это слово»... По словам моего любезного чичероне,— Ольги Ник. Вульф,— обе надписи сделаны очень давно; никто из современных обитателей Берновского дома никогда ничего о них не слыхал. Ниже Берновской мельницы показывают омут, в котором когда-то утопилась дочь мельника, обманутая своим возлюбленным, соседним помещиком. Полагают, что это предание подало Пушкину мысль написать свою драму «Русалка».

Берновская церковь — усыпальница фамилии Вульфов. Здесь погребен, принимавший у себя Пушкина, Ив. Ив. Вульф, скончавшийся в 1860 г., 85-ти лет от роду, сестры его Наталья Ивановна Вельяшева и Анна Ивановна Панафидина и сын Ник. Ив.; последний умер в 1889 г. Но Пав. Ив. Вульф последние годы прожил в Торжке, где и погребен на Богословском кладбище. Вблизи Торжка, у церкви с. Прутни нашла свой вечный покой и прославленная Пушкиным женщина — Анна Петровна Керн, урожденная Полторацкая — по второму мужу, за которого она вышла почти старухой,— Виноградская.

Живописные развалины барского дома в Павловском, которые видел в 1888 г. Вл. Ив. Колосов, теперь не существуют. Имение Павловское купили крестьяне и распорядились с усадьбой по-своему; существует только плодовый сад, заставленный теперь ульями.

В Малинниках, а вернее сказать, в Старицком уезде, написаны многие из произведений А. С. Пушкина: «Анчар», «Посвящение к Полтаве», «VII песнь Онегина», «Кромешник», «Утопленник», «Конрад Валленрод», «Подражание Анакреону», «Ответ Катенину», «Ответ Готовцевой» и др.[1].

Кроме вульфовских поместий в Старицком уезде, Пушкин бывал еще в самом городе Старице. На балу у старицкого исправника Вельяшева, женатого на дочери Ив. Ив. Вульфа, и познакомилась с Пушкиным воспитывавшаяся у Пав. Ив. Вульфа дочь сына берновского священника Екатерина Евграф. Синицына, как она подробно рассказывала об этом Вл. Ив. Колосову. Екат. Евгр., и поныне здравствующая (ей теперь 88 л.), и мне повторила свой рассказ. По словам Ек. Евгр., Пушкин в 1827 г. ездил из Павловского на несколько дней в Москву через Старицу, куда выставляли для него лошадей. Старушка помнит, что А. С. Пушкин привез всем много лакомств, а Павлу Ивановичу вино.

В с. Микулине-Городище сохранилось предание о посещениях Пушкина; может быть, он заезжал сюда по дороге в Москву или на обратном пути. В старинном микулинском барском доме хранится шляпа Пушкина на память о его посещениях Микулина.

Недалеко от Малинников, в сельце Морицыне, живет старушка Нат. Фил. Кудрявцева (теперь ей более 85 л.); она была дворовой Пр. Ал. Осиповой и жила сначала в Тригорском; Кудрявцева хорошо помнит А. С. Пушкина. Между прочим, она сообщила мне, что Пушкин любил смешиваться с простым народом на базарах и гуляньях, даже переодевался для того в простонародный костюм.

Эта черта близости поэта к простому народу подтверждается и из другого источника. По просьбе ревностного исследователя тверской старины, А. К. Жиз-

невского, лет 15 тому назад собирал сведения о пребывании Пушкина в Бернове бывший старицкий голова Веревкин. Старик Ст. Мих. Бородин, ныне умерший, рассказывал Веревкину, что когда он жил в Бернове, то часто видал там А. С. Пушкина вместе с А. Н. Вульфом. А. С. был всегда весел, любил танцы, много гулял в саду и по окрестным лесам, не чуждался крестьян и дворовых и часто с ними разговаривал и шутил, и крестьяне его также не чуждались, любили с ним беседовать и считали его за человека доброго, веселого и большого шутника. Такой же точно отзыв делал о Пушкине и другой, недавно умерший в Старице, старик Гл. Марк. Сизов, бывший дворовым из Бернова.

Покончив со Старицким уездом, перейдем в соседний Новоторжский. Был ли Пушкин в Пречистой Каменке у Эгерштрома, как это утверждает Н. Н. Овсянников? В Торжке же к этому добавляют, что А. С. Пушкин был также и в соседнем с Каменкой с. Прямухине у родственников Вульфов Бакуниных. Эгерштром был хорошо известен Пушкину страстью к нелепому рифмоплетству, образчик которого приведен Вл. Ив. Колосовым. И у меня есть два подобных стихотворения, сообщенных 87-летнею матерью Н. П. Олениной, Мар. Серг., которая много раз встречалась с Пушкиным в Петербурге. Она допускает полную возможность такого посещения. Но А. С. Пушкин не упоминает о поездке в Пречистую Каменку; между тем с. Преч. Каменка весьма замечательно по своим преданиям об Иване Грозном, который будто бы хотел основать здесь город. В разных местах села находятся 11 каменных крестов, обозначавших предположенные царем к постройке церкви.

Во всяком случае, поставленный вопрос может быть разъяснен лишь справками на месте, для чего пока не представилось возможности.

О том, что Пушкин бывал проездом в Твери и Торжке, свидетельствуют известные стихи...

По имени Гальяни [2] названа улица в Твери, потому что весь порядок домов по одной стороне ее принадлежал Гальяни, стоивших по городской оценке 1829 г. 30 000 р. Гальяни — итальянец родом и в пушкинское время содержал в Твери лучшую гостиницу с залом для танцев и других увеселений, так что гостиница Гальяни заменяла клуб. Дом, где находилась гостиница, был на углу, двухэтажный,— низ каменный, верх деревянный; в 1879 г. этот дом сгорел, а на его месте построен большой дом, принадлежащий теперь А. А. Пржецлавской.

Тверской купец Пав. Дем. Галиане умер в 1731 г.; сын его воспитанника, Павел Галиане, по девятой ревизии 1850 г. записан в тверские мещане. Гальяни выбыли из Твери в Казань.

О «славном», по выражению Пушкина, трактире Пожарского в Торжке есть несколько отметок в записках и письмах А. С. Пушкина. Гостиница эта существует и теперь в своем прежнем виде. Показывают даже комнату, где останавливался Пушкин (№ 5). Приметой в этом отношении служило то, что на стене этого нумера было написано Пушкиным целое стихотворение. Но оно много раз было заклеено обоями, и открыть его теперь едва ли возможно.

Что же делало трактир Пожарского «славным»? Ответом на это может служить портрет-картина, изображающая Дар. Евд. Пожарскую с маленьким сыном кн. П. М. Волконского, бывшего Министром Двора при Императоре Николае Павловиче.

Все включенные в мое обозрение лица сделались известными только потому, что на них случайно упали лучи пушкинской славы. Впрочем, из этого числа, быть может, надо исключить А. Н. Вульфа, который связал свое имя с историей Тверской губернии своим участием

в образованном в 1858 году комитете по преобразованию быта помещичьих крестьян.

Но Д. Е. Пожарская, дочь новоторжского ямщика, лишенная всякого образования, выдвинулась из своей среды и сделалась известною сама по себе. Вот что рассказал мне ее племянник, теперешний владелец гостиницы, Евдок. Петр. Пожарский.

Был Высочайший проезд. Д. Е. упросила кн. Волконского дозволить ей подать Государю и Государыне завтрак [3]. Завтрак был принят и одобрен. Через несколько дней потом Пожарская по эстафете была вызвана в Петербург, где ей приказано было приготовить для царского стола по ее способу куриные котлеты, ставшие с тех пор известными под именем пожарских. Щедро награжденная, Пожарская возвратилась в Торжок, но затем часто ездила в Петербург и всегда останавливалась у кн. Волконского. Во время крещения одного из его сыновей (Григория) Пожарская подносила ребенка к Императрице, бывшей его восприемницей. Государыня пожелала иметь портрет своего крестника на руках у его ловкой няни Пожарской; картина написана художником Нефом. Д. Е. получила с нее копию. Евд. Петр. уверял меня, что и на этой картине есть подпись Нефа, но мои слабые глаза ее не открыли. Покойный А. К. Жизневский хотел приобрести картину для музея и предлагал за нее 700 рублей.

Тысячелетняя история Тверского края не подарила нам никаких выдающихся поэтических произведений: поэты были здесь лишь залетными соловьями. Но зато в Тверской губ. более, чем где-либо, умели понимать и ценить поэтов, беречь их и лелеять. В том нам порука и свидетель — краса, гордость и слава России, сам наш великий народный и мировой гений, А. С. Пушкин!

1903

[1] Здесь кстати будет сказать, что в нзданиях Пушкииа неправильио называются Малиииики — Малеиииками; так д. Малииники ие изывается ии в каких докумеитах, да и сам А. С. Пушкии производил это слово от малины.

[2] А не Гальоии, как иазвал его поэт в своем стихотворенни.

[3] Вл. А. Плетиев дополияет, что Пожарская обратила иа себя виимаиие государя и государыии тем, что, при входе их в гостиинцу, бросила им под иогн свою нарядиую шубку, так как было иесколько грязно.

С. А. Фессалоницкий

ПУШКИН В КРУГУ СТАРИЦКИХ ДВОРЯН

Пушкин связан со Старицким уездом Тверской губернии благодаря знакомству с Вульфами, происшедшему при посредстве Прасковьи Александровны Осиповой, первым мужем которой был Николай Иванович Вульф.

С семьею Осиповой Пушкин особенно сблизился в 1824 году, по приезде в ссылку в псковскую деревню его матери — Михайловское. В поисках избавления от наполнявших тогда душу поэта тягот, он часто бывал в соседнем Тригорском, расположенном в двух верстах от Михайловского, у П. А. Осиповой, жившей в своем родовом имении. К этому времени она уже вторично овдовела. С ней проживали в Тригорском и дети от первого ее брака, из которых наиболее частое упоминание о себе в биографии Пушкина находят Анна, Алексей и Евпраксия. Алексей имеет более тесную, чем его сестры, связь с Тверским краем: он владел впоследствии старицкою деревнею Малинниками.

Размеры статьи не позволяют нам рассмотреть отношения между Пушкиным и Вульфами всесторонне, и мы естественно останавливаемся на вопросе об

отношениях между Пушкиным и Алексеем Николаевичем Вульфом. Попытаемся осветить его наряду и в связи с другим вопросом — вопросом о пребывании Пушкина в Старицком уезде.

I

В литературе о Пушкине установилось мнение, и сравнительно прочное, о тесном сближении Пушкина с Вульфом. Так, академик Л. Н. Майков причисляет А. Н. Вульфа к «ближайшим приятелям Пушкина»; проф. Сиповский, говоря о семье Осиповых, пишет: «...Пушкин... сошелся близко только с сыном Осиповой,— Вульфом».

В какой мере правильно это установившееся мнение?

Впервые Пушкин встретился с Вульфом, по всей вероятности, в 1817 году, когда поэт, окончив Лицей, приезжал в родное Михайловское и побывал в Тригорском. Тогда Пушкину было 18 лет, Вульфу же всего — 11. Ясно, что серьезного сближения в это время произойти между ними не могло.

В 1818 году Вульф поступает в Петербургский Горный корпус. Проведя в нем не более года, он уезжает в Дерпт, где под руководством одного профессора готовится к поступлению в местный университет, а затем и поступает в него в 1822 году. В том же университете и тогда же учился Н. М. Языков, с которым Вульф близко сошелся. На каникулы Вульф приезжал домой, к матери, в Тригорское. Так было и во время летних каникул 1824 года. В начале августа того же года в Михайловское приехал из Одессы Пушкин. К этому времени и может быть отнесено начало сближения Пушкина с Вульфом. Как только последний уехал в Дерпт, между ними завязалась переписка.

Первое письмо Пушкина к Вульфу написано 20 сентября; оно начинается стихотворением:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...

Оканчивается стихотворение так:

Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

В прозаическом окончании письма повторяется та же просьба: «Уговори Языкова».

На горячее желание Пушкина встретиться с Языковым указывает и приписка к цитируемому письму, сделанная сестрой Вульфа Анной Николаевной: «Пожалуйста, отдай тут вложенное письмо [к] Языкову и, ежели можешь, употреби все старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает... пришли ответ от Языкова скорее».

Поэт настолько занят Языковым и мыслью о встрече с ним, настолько жаждет этой встречи, что самое его письмо оказалось имеющим что-то от стиля языковской поэзии: картина предполагаемого времяпровождения есть, в сущности, не что иное, как разгульно-веселые мотивы поэзии самого Языкова.

Именно это послание Пушкина к Вульфу давало повод к заключению об их сближении. Действительно, общий его тон указывает на появление каких-то элементов близости. Нельзя, однако, не отметить, что в письме сказывается гораздо больший интерес к «поэту Языкову», чем к «приятелю» Вульфу.

Через полгода Вульф посвящается Пушкиным в план тайного побега за границу. Для участия в таком секретном предприятии, конечно, нужна была изрядная степень близости и прежде всего — доверие. Но в том же 1825 году происходит следующий эпизод.

Известно увлечение Пушкина А. П. Керн, приехавшей в июне в Тригорское, а в июле увезенной ревновавшей ее к поэту П. А. Осиповой в Ригу. Пушкин из Михайловского, Керн из Риги — переписывались. Вскоре, вслед за Керн, уехал в Ригу и Алексей Николаевич Вульф, также ухаживавший тогда за нею. 14 августа Пушкин запрашивает А. П. Керн: «Что делаете вы с вашим кузеном? Отвечайте мне, но откровенно» — и рекомендует дальше: «Отсылайте-ка его поскорее в университет», замечая при этом: «Не знаю почему, но я не люблю этих студентов». В письме к Анне Петровне от 22 сентября сказывается та же ревность — поэт упрекает ее за письмо к Вульфу, уже вернувшемуся в Дерпт: «Вы клянетесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы говорите *ты* вашему кузену, вы говорите ему: я презираю твою мать, ведь это ужасно! Следовало сказать: вашу мать... Не понимаю, что за цель у вас кокетничать с молодым студентом (к тому же не поэтом) и еще на таком почтительном расстоянии... Решено, не правда ли? Никакой переписки,— и ручаюсь вам, что он останется попрежнему влюбленным».

Ревность Пушкина имела основания. В это самое время Вульф писал к Керн в таком тоне: «Вот уже целая вечность, что Вы мне не пишете! Что Вы меня забыли, дорогой друг?.. Позвольте мне быть Вашим наперсником, быть хоть чем-нибудь для Вас, когда Вы — все для меня!.. Да, я буду все же любить Вас. Не покидайте меня! Я ничего не прошу! только это забвение,— оно ужасно! Прощайте, мой ангел! Да сохранит тебя Господь! Если у Вас будет минутка сво-

бодная,— посвятите ее мне — несколько строк — и Вы сделаете меня счастливым. Прощайте!..»

Из двух ухаживателей более счастливым оказался предприимчивый Вульф. Б. Л. Модзалевский полагает, что этот факт «не внес холодности в их отношения». Однако никаких данных, определенным образом свидетельствующих о продолжающейся близости, начиная с этого времени, мы не имеем. Вероятнее, стало быть, обратное предположение — что эпизод этот как бы положил предел дальнейшему сближению Пушкина с Вульфом.

Возвращаясь в мае 1826 года к мысли о встрече с Языковым, Пушкин снова пишет к Вульфу. Письмо, посылаемое после пережитого, после длительного перерыва в переписке, звучит так: «Вы мне обещали писать из Дерпта и не пишете — Добро». Из дальнейшего обнаруживается, что неприятные впечатления преследуют еще Пушкина: спрашивая Вульфа о Керн, он называет ее «Вавилонской блудницей». Но зачем же тогда писать? Сильное желание увидеться с Языковым побуждает к этому: «...я жду вас... Не правда ли, что вы привезете к нам и вдохновенного? Скажите ему, что этого я требую от него именем славы и чести России». Письмо оканчивается повторением этой же просьбы: «...привезите же Языкова и с его стихами». Давнишней мечте поэта на этот раз суждено было осуществиться: вместе с Вульфом на каникулы в Тригорское приехал и Н. М. Языков. Пушкин получил возможность видеться с «вдохновенным», говорить с ним и слушать его стихи.

Но вот наступает осень. Прощенный Пушкин — на свободе, далеко от Вульфа. Переписываются ли они? Повидимому, нет. Нет близости, нет внешних поводов — нет и переписки! Следующее, известное нам, письмо Пушкина к Вульфу относится уже к осени 1828 года, когда поэт, приехав в Малинники, к

П. А. Осиповой, написал оттуда своему приятелю довольно шутливое письмо. Но здесь мы сделаем отступление, и вот почему: в годы пушкинских приездов в Старицкий уезд Вульф вел дневник [1], который позволяет создать ясное представление об его личности. Тема — пройти мимо которой нельзя, так как только при условии уяснения особенностей характера Вульфа мы сможем более отчетливо представить себе и характер приятельских отношений между ним и Пушкиным.

II

Сдав в декабре 1826 года выпускные экзамены, Вульф прожил год в деревне — в Малинниках и Тригорском. Приехав 17 декабря 1827 года в Петербург, он во второй половине августа 1828 года поступает на службу в Департамент Разных Податей и Сборов. Служба, не отнимавшая у Вульфа много времени и не требовавшая особого труда, не представляла для него никакого интереса (он не получал даже жалования). Расставаясь с деревенскою жизнью, А. Н. имел много планов. Годичное же пребывание в Петербурге показало, что мечты — одно, а действительность — другое. «С какими удалыми надеждами я ехал сюда! — и сколько их исполнилось? — ни одной!» — признается он.

11 декабря Вульф подает прошение об отставке. Съездив в Малинники, он зачисляется, в качестве унтер-офицера, на военную службу и 1 апреля 1829 года прибывает в местечко Пашкане, где находится его полк [2].

Но и военная служба не оправдала предположений молодого Вульфа. Он ждал, что приобретет славу, и готов был «пожертвовать всем — ради одной возможности достигнуть в с е г о». Но, не прослужив еще и года, А. Н. почувствовал приступы разочарования:

«Много мне теперь неприятностей... О, самолюбивое честолюбие, ты меня здесь жестоко караешь! — Прощай, мечта славы, не обманешь ты более меня и не заманишь опять в твои пустыни». Через некоторое время Вульф констатировал: «Я теперь излечился от... безграничного честолюбия, которое меня закинуло сюда; понятие о моих достоинствах ограничилось тоже». После этого понятно, с какою радостью встречает Вульф известие об отставке. «Моя отставка вышла!..— пишет он.— Не могу опомниться от радости».

Таким образом, в результате непосредственного столкновения с действительностью, Вульф узнал жизнь, узнал ее не принаряженною изобретательными мечтаниями, а в том самом виде, какой она имеет в обычной повседневности.

В период своей службы — и гражданской и военной — (1828—1833) Вульф предстает пред нами как либерал. Сущность его либерализма раскрывают следующие цитаты: «Самые лица (напр. государя [3]),— пишет он однажды,— я скорее люблю, чем не люблю, но коль скоро я в них вижу самодержцев, то невольное отвращение овладевает мною».

Находя «напрасными старания правительств остановить всеобщий ход народов к гражданской свободе», Вульф пишет о знаменитом 14 декабря: «Это первая искра пламени, непреодолимо пожирающего злоупотребления и предрассудки, освященные давностью, защищаемые лицами и сословиями, которым они приносят пользу, во вред целых народов и человечества». Но кто же уничтожит эти «злоупотребления и предрассудки»? Вульф надеется, что необходимые государственные преобразования в России будут произведены, как это ни странно, по инициативе того, кто самому же ему ненавистен: «Четыре нами прожитые под державою Николая года подали надежду, что мы не будем

вынуждены силою с престола взять закон и права естественные и гражданские, а сам монарх нам их отдаст». Таким образом, высказываясь против самодержавия и признавая правительства бессильными в борьбе с «пламенем, пожирающим злоупотребления», Вульф в то же время верит, что нужные блага иногда могут быть даны народу и самим правительством.

Свои политические взгляды Вульф высказывает в дневнике довольно редко. Гораздо чаще встречаются упоминания о читаемых им книгах. Он много читает и больше всего — художественную литературу. По прочтении произведения Вульф нередко записывает и свои суждения о нем. При этом он отмечает занимательность, постепенное нарастание интереса или же ставит такие вопросы: является ли произведение картиною нравов того времени, к которому относятся изображаемые в нем события? как очерчены образы героев и их характеры? нет ли лишних слов? связаны ли между собою происшествия? Не проходит Вульф и мимо особенностей стиля, но в этих случаях он выражается чаще всего самыми общими замечаниями, например, «слог чист и правилен», «не разнообразен и холоден». Надо сказать, что суждения Вульфа о литературных произведениях иногда очень близки к истине. Одно время Вульф сам намеревается заняться литературной работой: начинает переводить Ван дер Вельде и собирается описать свою студенческую жизнь, но поступление на военную службу препятствует осуществлению этих намерений.

Но чаще всего Вульф говорит в дневнике о волокитстве за женщинами. Последние интересуют его исключительно с точки зрения чувственных наслаждений, изобретаемых услужливым воображением. Отсюда и отношение его к женщине определяется только двумя моментами — сближением и получением наслажде-

ний. Остановимся же на характернейшей для Вульфа черте несколько подробнее.

Считая себя плохим практиком в завоевании женских сердец, но хорошим теоретиком [4], Вульф заботится о достижении сближения наискорейшим и наикратчайшим путем, минуя «уверения в любви» и прочий «влюбленный бред». Его интересует не стадия нежностей, а удовлетворение запросов прихотливой чувственности.

Как человек чрезвычайно уравновешенный, Вульф почти никогда не теряет самообладания и даже больше того: остается очень сдержанным. «Любить меня было ее единственное занятие [5],— записывает он,— исполнять мои желания — ее блаженство; быть со мною — все, чего она желала. И эти пламенные чувства остались безответными! Они только согревали мои холодные чувства. Напрасно я искал в душе упоения! Одна чувственность говорила. Проводя с нею наедине целые дни... я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности... и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу,— ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею». Лишь в редких случаях Вульф изменяет принципам, им исповедуемым.

С течением времени, не удовлетворяемый однообразием, он начинает соблазняться «приманкой новизны», причем ему бывает очень досадно, если женщина, связь с которой его уже больше не интересует, не может сразу остудить свои чувства, им же искусно в ней вызванные; все ее страдания, мучения мало беспокоят холодного и отчасти жестокого Вульфа: он лучше не обратит на них никакого внимания, чем откажет себе в новых наслаждениях, в удовольствии завоевания новой, как он говорит, «красавицы».

«... [Я] никак бы не желал... родить [к себе] страсть [в женщине]: это скучно. Я желаю только нравиться,

занимать женщин, а не более: страсти отнимают только время; хорошо ежели не имеют дурных последствий»,— так формулирует Вульф свое любовное credo. Ясно, что при таком отношении к женщине Вульф не мог быть сторонником идеи брака. Но все-таки как же он смотрит на брак? Предоставим ответное слово самому Вульфу: «Если я буду иметь столько власти над собою, что удержу себя от искушения жениться, то желание найти женщину, которая захотела бы со мною жить единственно по своему произволу, без всяких церковных и гражданских обязанностей, было бы единственное, которым я бы утруждал небеса. Впрочем, мне можно бы решиться на супружество, ибо всегда можно отыскать благопристойный предлог к разводу, особенно с деньгами» [6].

Любовь, по определению Вульфа,— «пламень, все оживляющий».

В этом пламени, несмотря на всю свою рассудочность, постепенно сгорал он сам, сгорал и его аристократизм. В период военной службы он начинает обращать внимание уже и на представительниц тех слоев общества, которые стоят ниже дворянского. Это обстоятельство имело решающее значение для последующих лет жизни Вульфа. Поселившись, по выходе в отставку, в деревне, он безудержно отдается удовлетворению чувственности [7]. Последняя же, будучи основана на рассудочности и эгоистичности, вытеснила все имевшиеся в нем элементы незаурядности.

Такова, в самых общих чертах, личность этого человека. Перейдем же теперь к вопросу о пребывании Пушкина в Старице и ее окрестностях.

III

В сентябре 1828 года Пушкин жил в Петербурге. Там же служил Алексей Вульф и там же в это время

были П. А. Осипова и ее дочь Анна Николаевна, собиравшиеся уже домой, в Малинники. 12 сентября Вульф записал в своем дневнике: «Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что мне весьма неприятно, ибо оттого пострадает доброе имя и сестры и матери, а сестре и других ради причин это вредно».

При внимательном изучении вопроса об отношениях между Пушкиным и Прасковьей Александровной Осиповой, между Пушкиным и Анной Николаевной Вульф можно усмотреть долгое и, повидимому, безответное увлечение им со стороны обеих. Неравнодушие первой, повидимому, не обнаруживалось, скрываясь под видом хорошего знакомства, неравнодушие же второй не скрывалось вовсе. Такая неодинаковость отношений этих женщин к Пушкину и подчеркивается приведенной из Дневника цитатой: в то время как Вульф беспокоится, что имя матери только пострадает (от светских сплетен), имя сестры не только пострадает, но ей «и других ради причин это вредно». Под причинами Вульф разумеет, конечно, то обстоятельство, что лишняя встреча с поэтом влюбленной в него Анны Николаевны может явиться препятствием к исчезновению тех чувств, которые у нее были по отношению к Пушкину.

П. К. Губер запись Вульфа под 12 сентября рассматривает иначе [8]. По поводу ее он лаконично замечает, что Вульф ошибался. В чем? Очевидно, в предположениях относительно ухаживаний Пушкина за матерью и сестрой, ибо самая ошибка объясняется незнанием Вульфом того обстоятельства, что романы Пушкина с П. А. Осиповой и А. Н. Вульф [9] «были уже позади и совсем другие женские образы занимали его [Пушкина] воображение». Несостоятельность подобного толкования вульфовских слов обнаруживается тотчас же, как только мы поставим вопрос: мог ли Вульф вообще не знать того, что происходило в семье? Конеч-

но, нет! А раз так, он должен был знать о равнодушии Пушкина. После этого совершенно невозможно думать, что Вульф предполагал возможность ухаживания Пушкина за его матерью и сестрой. Значит, ставить вопрос так, как ставит его П. К. Губер, нельзя. Что же касается причины неприятного состояния Вульфа при известии о поездке Пушкина в Малинники, то, повторяем, ее следует искать в увлечении поэтом П. А. Осиповой и ее дочери, увлечении, начавшемся еще в михайловский период и продолжавшемся в то время, когда поэт, как старый их знакомый, ехал к ним, в 1828 году, в Малинники.

Кончавшееся лето 1828 года, бурное в жизни Пушкина, не уносило с собой причин, делавших его бурным. Осень грозила быть также «бурной». И лучшим уходом от новой опасности оказывался отъезд в деревню, где отрицательные моменты столичной жизни, постоянно истощавшей нервы поэта и сообщавшей ему лишь одно беспокойство, не могли уже иметь над ним своей силы.

Пушкин, собиравшийся ехать в Малинники вместе с П. А. Осиповой, задержался, и Осипова с Анной Николаевной Вульф уехали из Петербурга 25 сентября.

В первой половине октября поэт пишет «Полтаву», а 19 числа участвует в товарищеской сходке лицеистов. Протокол празднования лицейской годовщины в 1828 году, написанный рукою Пушкина, оканчивается следующим образом: «И завидев на дворе час первый, а стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского Лицея Пушкину — французу». На этом же протоколе, вслед за подписями, помещено четверостишие Пушкина:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы. Мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Ночью на двадцатое поэт отправляется в Малинники, куда и прибывает, по всей вероятности, 23 октября (дорога от Петербурга до Малинников занимала тогда, в среднем, $3^1/_4$ суток).

Находясь в гостях, поэт не оставляет свои литературные занятия. 27 октября он заканчивает посвящение «Полтавы». Потом в центре внимания поэта оказывается привезенная с собой VII глава «Онегина», заканчиваемая 4 ноября. Окончательной отделке подвергается и «Анчар», начерно написанный еще в сентябре, а в Малинниках помеченный 9-м ноября. Затем Пушкин пишет «Ответ Катенину» и отсылает его Дельвигу для напечатания в «Северных Цветах». Ему же 26 ноября поэт отсылает вместе с письмом и послание Готовцевой. Таким образом, в Малинниках Пушкин выполняет свою текущую работу: отделывает и заканчивает или вновь пишет то, что у него на очереди.

Обстановка, в которой поэт находился в Малинниках, была благоприятной для работы. Это подтверждают его письма...

Из других мест, которые, возможно, тогда же посещал поэт, следует назвать Берново и Курово-Покровское. Берново, отстоящее в двух верстах от Павловского и семи — от Малинников, принадлежало брату Павла Ивановича Вульфа — Ивану Ивановичу, женатому на Надежде Гавриловне, рожденной Борзовой. Хозяйство Ивана Ивановича благоустройством не отличалось. У него был крепостной гарем, «в котором [он],— по замечанию племянника его Алексея Вульфа,— и прижил с дюжину детей, оставив попечение о законных своей жене».

О пребывании Пушкина в Бернове рассказывает сын Ивана Ивановича — Николай...

По воспоминаниям Бородина, жившего в Бернове, «А. С. был всегда весел, любил танцы, много гулял в саду и по окрестным лесам, не чуждался крестьян

и дворовых и часто с ними разговаривал и шутил, и крестьяне его также не чуждались, любили с ним беседовать и считали его за человека доброго, веселого и большого шутника».

Что же касается заездов Пушкина в Курово-Покровское, то о них говорят следующие строки Воспоминаний Анны Николаевны Панафидиной: «Из рассказов моей родной бабушки Анны Ивановны Панафидиной, рожденной Вульф, и очень умной, образованной и либеральной для своего времени, знаю, что Пушкин не раз был в нашем доме — в Курово-Покровском, и в комнате, называемой «Цветной», он записал что-то в 7 главу «Евгения Онегина».

Таким образом, живя в Малинниках, поэт выезжал время от времени и в соседние поместья. Такая жизнь не могла не умиротворить его: хороший прием, оказанный ему Прасковьей Александровной, и беззаботная деревенская жизнь сгладили неприятные впечатления, вывезенные им из столицы.

Проведя в Малинниках почти полтора месяца, Пушкин четвертого или пятого декабря выехал в Москву.

Недели две спустя после отъезда Пушкина, в Малинники приехал из Петербурга Вульф. Очевидно, в связи с «пояснениями насчет его петербургского поведения, данными поэтом с откровенностью и простодушием», Вульф записал: «...я узнал все, что здесь делал... Пушкин, клеветавший на меня, пока он тут был». Разоблачение Пушкиным любовных похождений, которыми Вульф занимался в Петербурге, не понравилось ему, и он счел это за клевету.

Приближавшиеся рождественские праздники семейство Вульфов-Осиповых решило провести в Старице, у родственников Вельяшевых. Василий Иванович Вельяшев, старицкий исправник, был женат на Наталии Ивановне, рожд. Вульф, горячо его любившей. Они

имели четверо детей. 20 декабря П. А. Осипова, Анна Николаевна Вульф и Алексей Николаевич отправились в Старицу, где для них был нанят особый дом. В Старице же собрались скоро и другие родные.

Не говоря подробно о встречах Вульфа с знакомыми приятельницами, встречах с обмороками и без них, ограничимся лишь общим замечанием, что он раньше всего заинтересовался старицкими «красавицами». Среди последних особенно выделялась его кузина Екатерина Васильевна Вельяшева, внешний облик которой зарисован им в следующих чертах: «Здесь я нашел... Катеньку Вельяшеву... в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка, расцветшую прекрасною девушкой, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета». Она была занята любовью своего тридцатилетнего кузена Ивана Петровича Вульфа, служившего в Уланском полку [10].

Собравшееся общество проводило время на балах, которым сопутствовали флирт и муки ревности. На исходе святок, 6 января 1829 года, в Старицу из Москвы приехал Пушкин. Вульф отмечает в дневнике это событие следующим образом: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин... Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский, блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском». И дальше рассказывает: «С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катен. В. [11]), несмотря ни на советы Мефистофеля и на волокитство Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны. Мы имели одно только удовольствие бесить Ивана Петровича, образ мыслей наших оттого он назвал американским».

Пушкин ничего не имел против представлявшейся ему возможности провести время в веселом провинциальном обществе.

После праздников гости стали разъезжаться. Пушкин с Вульфом поехали в Павловское, к Павлу Ивановичу. Исходя из воспоминаний Синицыной, можно думать, что это было 8 января. Она сообщала В. И. Колосову: «Через два дня поехали мы в Павловское. Приехали сюда так к обеду; следом за нами к вечеру приехал и Александр Сергеевич вместе с Алексеем Николаевичем Вульф». Последние ехали к Павлу Ивановичу, «взяв по бутылке шампанского, которые морозили, держа на коленях».

Как Пушкин проводил в Павловском день? «Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгою в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы... Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке».

Называя имя Е. Е. Синицыной, посвятим два слова ее воспоминаниям. Факты, о которых она говорит, приводит и Вульф. Благодаря этому рассказ Синицыной получает документальное подтверждение. До опубликования дневника Вульфа Н. Н. Овсянников предпринял совершенно напрасную попытку заподозрить Синицыну во лжи. Он писал: «Можно ли слепо верить ее рассказам? Они напротив кажутся нам искусственными и сложившимися на основании позднейших печатных известий». Дневник Алексея Николаевича вполне доказал отсутствие какой бы то ни было искусственности в рассказах Е. Е. Синицыной. Наряду с этим он позволил исправить и существенную неточность, вкравшуюся в

А. С. Пушкин. *Скульптор Е. Белашова*

Усадьба Раек
Вид Торжка с берега Тверцы

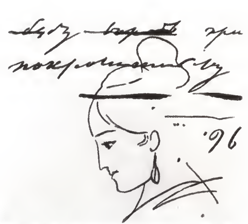
Музей А. С. Пушкина в Торжке

Главный зал музея

Торжок. Ротонда

Эти стены видел Пушкин

Бывшая Вознесенская церковь
Набережная Тверцы



А. П. Керн. *Рисунок А. С. Пушкина*
Прутня. Могила А. П. Керн

Мост в Грузинах

Усадьба Полторацких

Памятник А. С. Пушкину. *Скульптор О. Комов*

Берново. Дом Вульфов

В залах музея А. С. Пушкина в Бернове

Н. Н. Пушкина. *Акварель К. Брюллова*

Зимняя дорога

Берново. По первому снегу
Пруд в усадьбе Вульфов

Скамейка в парке
Часовня в Малинниках

Старица. Бывший Успенский монастырь на берегу Волги
Окошко в девичьей светелке

По дороге в Старицу
Монастырские стены

Старица. Собор бывшего Успенского монастыря
А. С. Пушкин. *Работа художницы И. Маршумовой*
В Твери на этом месте стояла гостииица Гальяни

воспоминания, а именно: предположительное отнесение крещенского приезда Пушкина в Старицу к 1827 году. Записи Вульфа дают все основания к тому, чтобы датировать этот приезд поэта в Тверскую губернию 1829-м годом.

Проведя в Павловском с неделю, Пушкин 16 января отправился в Петербург. Поехали они вместе с Вульфом. Нигде не задерживаясь, но испытав «некоторые прижимки от ямщиков», играя на станциях в шахматы и пользуясь «всем достопримечательным», вроде покупки баранков (небольших кренделей) у валдайских красавиц (как их называет Вульф) и завтракая свежими сельдями в Вышнем Волочке и ухою «из прекрасных форелей» в Яжелбицах, Пушкин и А. Н. 18 января, в 8 часов вечера прибыли в Петербург.

По дороге путешественники говорили «про современные отечественные события, про литературу», говорили о любви и о женщинах, в частности, о тех, с которыми виделись в Старице и ее окрестностях. В результате воспоминаний, Пушкин, перед приездом в Ижоры, написал стихотворение, посвященное Екатерине Васильевне Вельяшевой и по своим мотивам связанное с ее холодной неприступностью.

По приезде в Петербург Пушкин принялся за печатание «Полтавы», а девятого марта покинул его снова, уехав на Кавказ. По дороге поэт задержался на полтора месяца в Москве; в это время он, как известно, сделал предложение Н. Н. Гончаровой, на которое последовал неопределенный ответ, огорчивший его. Прибыв на Кавказ, Пушкин находился в армии, действовавшей под начальством Паскевича, и участвовал в походе через горы Армении... В середине сентября Пушкин снова в Москве и снова находит холодный прием у Гончаровых. Быть может, именно тяжелые впечатления от неудачного сватовства побуждают поэта

вновь искать забвения в деревенской тиши. Во всяком случае, Пушкин оставляет Москву и едет в Старицкий уезд, куда прибывает не позднее 14 октября. Таким образом, обещая заехать в «мирные края» через год, поэт, на самом деле, приехал несколько ранее. Повидимому, Пушкин и на сей раз остановился опять в Павловском. По крайней мере так можно думать на основании следующих слов Алексея Николаевича, писавшего 16 февраля 1830 года сестре своей Анне Николаевне: «В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем кончится любопытный его заезд из Арзерума в Павловское».

Успев уже побывать в соседнем Бернове, Пушкин навещает и малинниковских знакомых. Находясь у них 16 октября, он пишет Вульфу.

Как же Вульф отнесся к веселому и шутливому письму Пушкина, написанному в духе самого Алексея Николаевича? Получив его 15 февраля 1830 года, он записал: «Дельво... принес большой пук писем. В нем нашлось и два ко мне: оба сестрины... в одном же из них приписку от Пушкина... Как прошлого года в это же время писал он ко мне в Петербург о тамошних красавицах, так и теперь, величая меня именем Ловласа, сообщает он известия очень смешные о них, доказывающие, что он не переменяется с летами и возвратился из Арзерума точно таким, каким и туда поехал,— весьма циническим волокитою».

Вульф не понял: Пушкин писал о том, что, по его мнению, могло интересовать Вульфа раньше всего — о старицких «красавицах». Александра Ивановна Осипова, о которой поэт говорит в письме,— сводная сестра Вульфа, с ней у него была продолжительная связь; Вельяшева; «Минерва» — Екатерина Ивановна Гладкова, кузина Вульфа, с ней он также некогда «занимался»; *Netty*, письма Вульфа к ней в кругу ее подруг «считались образцами в своем роде», поповна — Ека-

терина Евграфовна Синицына, выгнавшая его из своей спальни — все это лица, очень хорошо известные Вульфу. Может быть, Вульф увидел цинизм в заявлении Пушкина о неравнодушии к *Netty*? Но это заявление отнюдь не циническое. «Как Сомов дает нам ежегодно обзоры за литературу,— продолжает Вульф,— так и я желал бы от него [Пушкина] каждую осень получать обзоры за нашими красавицами». Словом, Пушкин, в сознании Вульфа,— цинический волокита, на обязанность которого он хотел бы возложить ежегодное поосеннее составление «обзоров за красавицами»?! Ясно, что записи Вульфа говорят гораздо больше о нем самом, чем о Пушкине.

Навестив знакомых, живших по соседству с Павловским, Пушкин сосредотачивает свое внимание на литературной работе. Гостя у Павла Ивановича, он пишет первоначальную VIII главу «Онегина» — «Странствие», ставшую впоследствии девятой. Скорее всего к этому же времени относится четверостишие, посвященное *Netty* Вульф:

За *Netty* сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И *R* и *O* позабываю
Для *N* и *W*.

Пушкин прожил в Павловском недели три. Из Павловского он поехал в Петербург. Когда он приехал? 10 ноября Пушкин, бывший уже в Петербурге, написал письмо Бенкендорфу, который запрашивал его о причинах самовольного путешествия. Думается, что официальный ответ Бенкендорфу Пушкин не мог задерживать и дал его немедленно же по приезде. Если это действительно так, то можно предположить, что поэт прибыл в Петербург в последних числах первой декады ноября.

Перейдем к следующему и вместе с тем последнему

приезду Пушкина к Вульфам. В 1833 году поэт, занятый «Историей Пугачева», столкнулся с мыслью о посещении мест, связанных с пугачевским движением. Выехав из Петербурга 18 августа, он с 20 на 21-е ночует в Торжке, утром 21-го оставляет Торжок и в 8 часов вечера 21-го же прибывает в Павловское.

Н. О. Лернер отмечает прибытие Пушкина в Павловское вечером 22 августа. Такого количества времени — полторы сутки — на дорогу от Торжка до Павловского слишком много! Обычно этот путь занимает только половину суток. Так, если поэт выехал из Торжка 21-го утром, то в Павловском он был в этот же день вечером.

Принятие указанной поправки влечет за собою и исправление даты письма Пушкина к жене, написанного им в Павловском. И Н. О. Лернер и редактор академического издания «Переписки» В. И. Саитов относят его к 23 августа, в то время как оно должно быть датировано 22 августа, ибо только в таком случае достигается отсутствие каких бы то ни было расхождений между устанавливаемыми датами и свидетельствами самого поэта. Он пишет: «Вчера [т. е. 21-го]... в 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу... Завтра [т. е. 23-го] чем свет отправляюсь». Следовательно, Пушкин провел в Павловском ночь, день и еще ночь. При датировании же письма 23-им августа время пребывания его в Павловском сокращается до одной ночи: выехать из Павловского утром 24-го поэт никак не мог, потому что еще накануне он был уже в Ярропольце. «В Ярополиц приехал я в с е р е д у поздно»,— пишет он в другом письме. 23 августа 1833 года было в среду. Таким образом, бесспорно, что поэт весь день 23-го августа употребил на дорогу от Павловского до Ярропольца.

После этого хронология указанных событий принимает следующий вид:

1833. Август.

21. Утро. Отъезд Пушкииа из Торжка.

21. 8 часов вечера. Приезд Пушкииа в Павловское.

22. Письмо Пушкина из Павловского к жеие.

23. Утро. Отъезд Пушкииа из Павловского.

23. Поздно вечером. Приезд Пушкииа в Ярополец.

О подробностях последиего пребывания Пушкииа в Павловском мы зиаем из письма его к жеие. Но как ии была хороша та обстаиовка, в которой Пушкии иаходился в Павловском, он ие мог в ием задерживаться. Заехав неиадолго в Ярополец — волоколамское имеиие его тещи, ои в полдеиь 25 августа был уж в Москве.

Такова история приездов Пушкииа в Старицкий уезд. По той роли, которую играют в ией отдельные поместья, на первое место претеидуют Малиииики и Павловское. До сих пор первая роль призиавалась за Малиииками. Между тем, хорошие отиошеиия Пушкина и Павла Иваиовича Вульфа и тот факт, что поэт остаиавливался в Павловском в течеиие трех своих приездов, показывают, что Павловскому, по сравиеиию с Малиииками, принадлежит роль иисколько ие меиьшая, если только не большая.

Изложеииая история есть, в сущиости, ряд страииц из биографии великого поэта. Заключим же их воспоминаииями Аииы Николаевиы Панафидииой, повествующей о пребывании Пушкииа иа территории Старицкого уезда со слов своей бабушки Аииы Ивановиы Панафидиной. «Пребывание Пушкина в Бериовской волости,— пишет она,— было великим событием. Все съезжались, чтобы увидать его, побыть с ним, рассмотреть его, как необыкновениого человека; но талаитом его, как мие казалось из рассказов, все эти пожилые

люди мало восхищались, мало ценили, ие понимали всю силу его творчества.

Совсем другое впечатление оставило иа моих, тогда совсем еще юных, тетушках пребываиие Пушкина и знакомство с иим. Все они были влюблены в его произведеиия, а может быть и в него самого, переписывали его стихотворения и его поэмы в свои альбомы, перечитывали их, и до старости лет любили их декламировать иа память и чуть не со слезами на глазах со свойственной тому времеии сентиментальностью и ромаитизмом. Многие очень робкие и наивные девушки, несмотря на страстное желаиие и благоговение к Пушкину, боялись встречи с ним, зная, что он обладал иасмешливостью и острым языком.

Как особениость его, рассказывали, что он очеиь любил общество женской прислуги — экономок, приживалок и горничных. Одна почтенная старушка, иекая Наталья Филипповна, прислуга дяди, Алексея Николаевича Вульф, рассказывала мне, как Пушкии любил вставать рано, и зимой, когда девушки топили печи, и в доме еще была тишииа, приходил к ним, шутил с иими и пугал. В обращеиии с иими он был так прост, что оии отвечали ему шутками, называли его «фармазоном» и, глядя на его длиниые, выхолеиные иогти, иазывали его «дьяволом с когтями». Эта черта Пушкииа очеиь поиятна для такого наблюдателя и толкователя человеческих душ из различных слоев общества [каким ои был]».

IV

Нам остается довести до конца анализ вопроса об отиошениях между Пушкииым и Алексеем Николаевичем Вульфом. В михайловский период оии много беседовали. Но эти разговоры происходили, повидимому, под влиянием одииочества: любой собеседиик, тем более

студент, да еще развитой, был для поэта, конечно, находкой, которую он рад был использовать. И, может быть, Пушкин действительно имел в виду беседы с Вульфом, когда в 4 главе «Онегина» писал:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей;
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу.

Сблизившись не столько в силу внутренних побуждений, сколько силой внешних обстоятельств, Пушкин и Вульф вынуждены были ограничиться элементарной близостью. Пушкин сам затруднялся ответить на вопрос о том, что их сближало. В письме к Анне Николаевне Вульф от 21 июля 1825 года он, между прочим, пишет: «Вчера Алексей и я говорили 4 часа подряд. Никогда у нас еще не было такой долгой беседы. Угадайте, что нас вдруг так сблизило? Скука? Сходство наших чувств? Не знаю право».

М. А. Цявловский, затрагивая в своей статье о дневнике Вульфа этот же вопрос, говорит: «О том, что их сближало, прекрасно говорят сохранившиеся письма поэта к Вульфу, комментарием к которым служат записи о Пушкине в дневнике его приятеля». Но мы уже видели, что в письмах, даже указывающих на начинавшееся сближение, Пушкин интересуется больше Языковым, нежели своим приятелем. В *случайных* же письмах из Малинников он пишет лишь то, что интересно Вульфу. Эти письма являются блестящими образцами того, как Пушкин писал людям не близким, и вместе с тем свидетельствуют об известном всем свойстве Пушкина разговаривать на *языке собеседника*.

Не указывают на близость и записи Вульфа о поэте.

Они, напротив, удивляют своей резкостью. Выражение по адресу Пушкина — «цинический волокита» — нами уж приводилось. Приводилось также и замечание о «клевете» поэта на автора дневника. Недоброе отношение Вульфа к Пушкину особенно чувствуется в следующей записи о женитьбе Пушкина на Гончаровой, «первостатейной московской красавице»: «Желаю ему быть счастливу, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов,— это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену.— Желаю, чтобы я во всем ошибся». Вульф, действительно, ошибся. Наряду с этим он обсуждает даже перспективу волокитства за женой поэта: 20 ноября 1831 года Вульф пишет сестре Анне Николаевне: «По твоим словам Пушкин должен быть теперь уже женат; но я не столько нетерпелив видеть госпожу Пушкину, потому что я себя изведал и смиряюсь». Недоброжелательность Вульфа по отношению к Пушкину станет еще очевиднее, если мы сравним отношение его к Пушкину с отношением к Языкову. «Николай Мих. [Языков],— пишет он,— есть один из тех людей, которых я более всего люблю: мне кажется, что для него я был бы готов пожертвовать любовницею». Жертва для Вульфа не малая, но он на нее идет — для Языкова. К Пушкину же отношение — иного сорта: не ему Вульф уступает любовницу, как он выражается, а не прочь был бы, при наличии соответствующих обстоятельств, завести интригу с его женой. Вспомним и эпизод с Керн, которую Вульф, в период страстного увлечения ею Пушкина, привлек на свою сторону, пользуясь тем, что Пушкин, находившийся в ссылке, не имел права выезда из Михайловского и не мог последовать за Керн в Ригу. Вульф с положением Пушкина не считался и, приехав в Ригу, добился поставленной цели.

Среди записей Вульфа о Пушкине особое место занимают те из них, в которых Вульф выставляет себя учеником Пушкина по завоеванию женских сердец,— «напитанным мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами». Он говорит однажды: «Молодую красавицу трактира вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом по методе Мефистофеля (Пушкина), надо ее воображение занять сладострастными картинами; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают во власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус: им кажется все пошлым и вялым после языка чувственности».

Можно ли согласиться с Вульфом и признать Пушкина его учителем? Пушкин, имевший свойство разговаривать с неблизкими ему людьми на их же языке, то есть на темы их более всего интересующие, разговаривал с Вульфом чаще всего о женщинах и об отношениях к ним. Случайные замечания, высказанные им во время таких разговоров, Вульф считал «наставлениями» и, незаметно для себя, создал по своему образу и подобию облик Пушкина — «учителя». В этом убеждают нас два факта. Во-первых, Пушкин и Вульф — совершенно различные натуры. Ведь Вульф, как пишет П. Е. Щеголев, «и в жизни остался достойным гнева и жалости эмпириком любви, а Пушкин, для которого любовь была гармонией, изведал высший восторг небесной любви». Во-вторых, как же можно верить Вульфу, если свидетельства самого поэта против него. М. А. Цявловский говорит: «...Пушкин об этой «методе» [приписываемой ему Вульфом] писал (в четвертой главе «Евгения Онегина», строфа VII):

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

«Строфа эта, как известно, есть повторение того, что писал в 1822 году Пушкин брату: «Чем меньше любят женщину, тем вернее овладевают ею; но это удовольствие достойно старой обезьяны 18-го столетия». Итак, как видим, «учитель» говорил не совсем то, что приписывает ему его «ученик». Нельзя не признать правильность соображений М. А. Цявловского, и, наоборот, более, чем трудно, согласиться с В. В. Вересаевым, который в недавно появившихся «заметках о Пушкине» находит показания Вульфа правдивыми.

Отзывы Пушкина о Вульфе несравненно мягче вульфовских отзывов о нем; но и они указывают на далекость, существовавшую в отношениях между ними. К осени 1825 года Пушкин, как мы видели, довольно хорошо узнал Вульфа и понял разницу между ним и собой. Тем не менее Пушкин ценил и то немногое, чем он пользовался от Вульфа в михайловский период. И это чувство благодарности осталось у поэта на всю жизнь. В 1831 году он вспоминает о нем: «В конце 1825 года я часто виделся с одним дерптским студентом... Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцовать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял». Такие отзывы Пушкина обнаруживают присущее ему отношение к людям вообще. Но не более того.

Повторяем: близость между Пушкиным и Вульфом могла быть лишь на самой заре их отношений. Говорить же о ней на протяжении всего их знакомства нельзя, так как для этого нет никаких оснований.

1928

---

[1] В общем Вульф вел дневник на протяжении 15 лет (1827—1842). Опубликовывался он по частям: одна его часть (1827 г., 1832—1842 гг.) была опубликована акад. Майковым в книге «Пушкин» в 1899 году, а другая (1828 г.— начало 1832 года), позднее найденная — М. Л. Гофманом в 1915 году.

[2] Вульф участвует сначала в русско-турецкой войне, а по заключении мира находится на зимних квартирах в Бабадагской области. С весны 1830 года он следует со своим полком в Россию; весною 1831 г. принимает участие в походе против польских повстанцев; 22 января 1832 года Вульф уезжает в отпуск, в Тригорское, откуда в конце апреля возвращается в армию и пребывает в ней до выхода в отставку, в 1833 году, в чине штабсротмистра.

[3] Николая I.

[4] Вспоминая о волокитстве своем за кузиной Ек. Ив. Гладковой, Вульф находит, что он «не умел постепенно ее развращать, врать ей, раздражать ее чувственность».

[5] Речь идет об Елизавете Петровне Полторацкой.

[6] Л. Майков, «Пушкин», СПб., 1899, стр. 219—220. Вульф остается холостым до самой смерти (17 апр. 1881 г.).

[7] «Рассказывают,— пишет М. Л. Гофман,— что в Малинниках А. Н. устроил себе гарем из 12 крепостных девушек; кроме того, он присвоил себе право первой ночи».

[8] См. П. К. Губер, «Дон-Жуанский список Пушкина», П., 1923, стр. 211.

[9] П. К. Губер склонен освещать отношения их в виде взаимных романов. Были ли последние — вопрос чрезвычайно спорный.

[10] Иван Петрович — сын Петра Ивановича Вульфа, владельца деревни Соколово (Старицкого уезда).

[11] Екатерина Васильевна Вельяшева.

Тысячи друзей

И. Андроников

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ А. ПЬЯНОВА «МОИ ОСЕННИЕ ДОСУГИ»

В 1922 году Святогорский монастырь, в ограде которого покоится прах Александра Сергеевича Пушкина, его псковское сельцо Михайловское, где он жил и творил, имение его друзей Тригорское декретом Совета Народных Комиссаров были объявлены Пушкинским заповедником. Потом в каждое первое воскресенье июня здесь ежегодно стал отмечаться день рождения Пушкина. Так родился народный праздник.

Год от года паломничество к Пушкину все росло. Десятки тысяч людей стали приезжать и приходить в этот день на поляну возле ограды парка. И в 1967 году в Михайловском возник ежегодный Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, для участия в котором съезжаются посланцы всей нашей многонациональной поэзии, прибывают зарубежные гости со всех континентов. И вот народное поэтическое торжество обрело уже мировое значение и вовлекло в чествование величайшего поэта России и другие места, связанные с именем, жизнью, поэзией Пушкина,— Москву, Ленинград, Болдино Горьковской области, Кишинев, Одессу...

В числе первых, перенявших эту традицию, стали город Калинин и село Берново в Старицком районе Калининской области, где было когда-то поместье пушкин-

ских друзей Вульфов. В 1970 году в Бернове открылся великолепный пушкииский музей, а в следующем — воздвигиут памятник Пушкииу. И тысячи друзей поэта стали съезжаться сюда в первое воскресеиье июня из ближиих и дальних мест.

Это еще ие все.

Пушкииский музей открылся в Торжке Калинииской области — в городе, через который столько раз проезжал Пушкин. Реставрироваиа гостиница Пожарского, где Пушкии часто остаиавливался.

Но и это не все!

Те места в Верхневолжье, где Пушкин бывал, через которые проезжал, где рождались его стихи, калиииицы решили превратить в «Пушкинское туристское кольцо». Все это — проявление иеуклониого развития иашей духовной жизни, иашей культуры. Нигде в мире ие было еще ежегодного поэтического праздника, иародиого праздиика, подобиого нашему Пушкиискому.

В киите Алексея Пьяиова исследоваиы миогообразные связи Пушкииа с Тверским краем, собраиы факты, известные только краеведам и пушкииистам. Но миогое изучено самостоятельио и сообщается иам впервые. Все это увидеио собствениыми глазами. И превосходио иаписаио.

Что это — путеводитель? Нет, книга о поэзии Пушкииа, о его друзьях, о его дорогах. О том, как преображался мир под его волшебиым пером. Такой «тверской» книги в Пушкиииаие до сих пор ие было. Это отличиый труд, порождениый Пушкииским праздником и отражающий иовую пушкиискую традицию.

Предисловие это было написано к первой киите А. Пьяиова «Берег, милый для меня», ио его по праву можио отиести и к иовой работе о тверских досугах Пушкииа.

1974—1981

Ю. Нагибин

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ Л. Ф. КЕРЦЕЛЛИ «ТВЕРСКОЙ КРАЙ В РИСУНКАХ ПУШКИНА»

До недавнего времени в представлении рядовых любителей пушкинской поэзии, к числу которых принадлежу и я, судьба величайшего поэта России связывалась географически с Москвой, Петербургом, Молдавией, Одессой, Крымом, Кавказом и двумя усадьбами, родовыми вотчинами Пушкиных-Ганнибалов: Михайловским, что на Псковщине, и Болдином в Нижегородской губернии. Впрочем, когда произносится Михайловское, то подразумевается и близлежащее Тригорское, имение Осиповых-Вульф, самых верных и близких друзей Пушкина, чей дом стал родным для него в печальные годы ссылки. А вот сравнительно недавно еще один край предъявил права на Пушкина — древняя тверская земля (ныне Калининская область). Претензии эти оказались столь правомочны, вески и справедливы, что легло на Тверщине Большое Пушкинское кольцо с музеями в селе Бернове и городе Торжке. И был этот край окольцован в пушкинскую честь не только потому, что поэт без счета пересекал его по пути из Петербурга в Москву и обратно, что гостевал здесь порой весьма длительные сроки у милых друзей своих, тех же Осиповых-Вульф, имевших и здесь вотчины, заезжал к Вельяшевым, к Полторацким, но и потому, что здесь, в Верхневолжье, он написал немало замечательных произведений.

Благословенно Болдино, давшее имя самой вдохновенной поре в творческой жизни Пушкина, но и тверская земля заслуживает много добрых, благодарных, умиленных слов — там легко дышалось, весело жилось, славно думалось и хорошо писалось первому поэту России.

«Тверской период» в биографии поэта достоин ие только признательности, но и серьезиого, глубокого, кропотлнвого нзучения людьми, взявшнми на себя сладкий н иелегкий труд распутываиия клубков пушкииского бытия. Жадные до всего, что связаио с Пушкииым, мы, читатели, хотим зиать тверскую жизнь поэта так же полио н достоверио, как михайловско-тригорскую. Сейчас уже многое сделаио в этом иаправлеиии, хотя понски продолжаются, и небольшая по объему киига Ларисы Керцелли виоснт свою лепту в Пушкиниаиу, повериувшуюся лнцом к городам н весям, лесам, рекам, лугам и паркам тверской землн 20—30-х годов прошлого века.

Содержательиое авторское преднсловне делает лншнимн всякне рассуждення о том, что значил Тверской край в жизин духа и сердца Пушкниа. Я могу обратиться иепосредствеиио к кииге, скромно названиой «Тверской край в рисуиках Пушкииа». Несомиенио, назваиие соответствующей ведущей темы кинги: «тверской период» Л. Керцелли рассматривает в аспекте рнсуиков поэта. Но истиниое содержание кннги значительно шире. Мы знакомимся не только с Пушкниым-рисовальщнком, оставившим иа полях черновиков с десяток беглых н, как всегда, психологически точных набросков своих тверских друзей и зиакомых, а также иесколько пейзажей, столь редких в его графическом иаследстве. Перед иамн проходит целая галерея современников поэта, связанных с ннм сложными, тонкими, порой открыто и просто дружескими, порой мучительио-острымн отношениямн. Иные нз этих лиц предстают перед нами совсем в новом свете, в чем иесомнеино заслуга автора-исследователя, свободного от предвзятости, покориости авторитетам и смущеиия перед рутииой «освящениых временем» представлеиий...

Определить рисунок Пушкииа — великое дело, ио это всего лишь начало работы. Надо *прочесть* рисунок, понять его порой весьма сложиую драматургию, его

связь с умонастроением и душевной жизнью поэта; если это портрет — что значил он в отношениях художника с оригиналом, ведь Пушкин не был механическим копиистом натуры, движение его быстрого пера выражало не механическую память о том или ином лице, а *отношение* к нему — любовь, дружбу, страсть, насмешку, отчуждение, ненависть. Рисунки Пушкина окрашены острым личным чувством, среди них нет случайных. При всей их беглости, видимой небрежности они очень точны, максимально приближены к оригиналу, хотя экспрессии ради поэт нередко отступал от голой фотографической правды. Кстати, вера в необыкновенную конкретность пушкинского творчества, его точное соответствие действительности позволили директору Пушкинского заповедника С. С. Гейченко восстановить многое в Михайловском и Тригорском на основе пушкинских стихов, обладающих точностью документа.

Рассказывая о тверских встречах и впечатлениях поэта, отраженных в его графике и его художественном творчестве, рассматривая его отношения с людьми, о которых уже немало писалось, Лариса Керцелли смела, последовательна, до конца проницательна, не боится никаких выводов. Этим особенно показательна главка, посвященная Анне Николаевне Вульф, пронесшей через всю жизнь безоглядную, безрассудную и безнадежную любовь к Пушкину. Горек рассказ о незадавшейся жизни и прекрасны завершающие его слова: «Ее любовь — ее пагуба. Но лучше, прекраснее этого ничего не было и не могло быть для Аннеты. И эта любовь ее, ставшая счастьем и мукою вместе, сделала интересною ее жизнь для людей даже нашего века. И еще — она заняла — все-таки заняла! — свое место и в жизни, и в творческой памяти Пушкина!»

В этой главке Лариса Керцелли делает несколько очень тонких наблюдений об отношении Пушкина к Анне Петровне Керн. Знаменитые стихи, ставшие еще

более зиамеиитым ромаисом, превратили для всех милую и легкомыслеииую Аииу Петровиу в «бессмертную страсть поэта». И даже широко публиковавшиеся письма Пушкииа, где ои говорит об Аиие Петровие с веселым циинзмом, ие могли поколебать мифа, что лишиий раз подтверждает — поэзия сильиее правды. Впрочем, письма эти отиосятся ие к той поре, когда «мимолетиое видеиье» виовь явилось ссыльиому Пушкииу, а к более поздиему, охлаждениому времеии. Страстиая влюблеииость Пушкииа в Аииу Петровиу ие вызывала сомиеиия, пусть с годами чувство поблекло и от былого упоеиия осталось лишь самолюбивое мужское желаиие добиться победы. Но вот, аиализируя хорошо известиое письмо Пушкииа к Аиие Николаевие михайловской поры, в котором так миого и так откровеиио говорится о его влюблеииости в Кери, Лариса Керцелли приводит иас к иеожидаииому выводу: с с а м о г о и а ч а л а в увлечеиии Пушкииа Аииой Петровиой было миого литературиого. Недаром же по-иастоящему любившая поэта и безмерио чуткая к каждому движеиию его души Аииа Николаевиа Вульф ие ревиовала его к счастливой сопериице, хотя ревиовала к собствеииой матери, к другой своей кузиие — *Netty*. Своим умиым сердцем оиа угадывала искусствеииость слишком громких пушкииских призиаиий, иарочитость его откровеииости, ииаче говоря,— иепервосортиость чувства, в котором была опьяиеииость, а ие любовь. Как сказал поэт другой эпохи: «Настоящую иежиость ие спутаешь ии с чем, и оиа тиха». Не спутала и Аииа Николаевиа. Стилизоваииые под фраицузское эпистоляриое искусство XVIII века письма Пушкииа к самой Кери подтверждают смелые выводы Ларисы Керцелли. Исследоваиие, посвящеииое «уиылой деве»,— одио из лучших в кииге по глубиие, прозорливости и блеску...

Но, пожалуй, иаиболее иитересиа глава о «тверском приятеле» поэта, печальио зиамеиитом Алексее Нико-

лаевиче Вульфе. Спокон века бывший дерптский студент, потом гусар, потом помещик и всегда «ловлас», кутила, Вульф рассматривался как совратитель, искуситель, к тому же тайный недоброжелатель поэта. Виной тому неверно прочитанные дневники Вульфа, где он с неприятной обстоятельностью и прямотой, близкой цинизму, живописует свои многочисленные любовные похождения. Усмотрев тут что-то от Вальмона «Опасных связей», исследователи дружно забраковали Вульфа не только с точки зрения нравственности, они подвергли осуждению его личность в целом и суть отношений с Пушкиным. Поэтому и стал он не другом, не поверенным Пушкина, а «приятелем», благо Пушкин сам так обратился к нему в послании: «Здравствуй, Вульф, приятель мой!» Ну, как это звучит рядом хотя бы с таким: «Мой первый друг, мой друг бесценный!» Что ж, Пушкин и не смешивал своего отношения к Пущину, Дельвигу, Кюхельбекеру, близким ему всей кровью, с отношением к Вульфу. Они приятельствовали, и о похождениях их до сих пор помнят потомки тригорских насельников пушкинской поры. И, как бы желая очистить память поэта от сомнительной близости, пушкинисты раз и навсегда зачислили Алексея Вульфа в разряд случайных спутников, которых невесть как затягивает на орбиту великих людей.

Но мог ли такому пустому, никчемному, к тому же низкому человеку раскрывать душу наипроницательнейший Пушкин? Мог ли он ему первому читать новые главы «Онегина» и только что написанные стихи? Поверять не только свои сердечные тайны, но и свои раздумья, творческие намерения, наконец, сделать его соучастником несостоявшегося бегства из аракчеевской России? Мог ли бы он так охотно путешествовать с ним, давать ему приют в Петербурге, где сам ютился в номере Демутовой гостиницы, поддерживать с ним отношения в интимном кругу друзей-литераторов? Конечно, нет! Собу-

тыльника Пушкин оставил бы для застолья, напарника по амурным делам — для тригорской девичьей. Лариса Керцелли вскрывает истинную суть отношения Пушкина к «тверскому приятелю», который после ее тщательного и убедительного анализа предстает перед нами человеком совсем иного ранга и значения, нежели мы то привыкли видеть в искажающем свете предвзятости.

Начинает Керцелли, как всегда, с графики Пушкина, оставившего несколько зарисовок характерного и красивого лица Вульфа. В этих набросках Вульф всегда серьезен, сосредоточен и строг, даже там, где изображен уже постаревшим, в усах и бакенбардах. А ведь мы знаем, как умел Пушкин примечать и утрировать в своих моделях смешное и неприятное, если нужно было. Но никогда не приходило ему на ум повеселиться за счет «тверского приятеля». Он сознавал значительность Вульфа, за личиной волокиты и повесы проглядывал человека, способного к глубине и тонкости, с хорошим литературным вкусом и острым умом. Вульф с его незадавшейся жизнью и карьерой, невоплощенными задатками при большой внутренней силе и несомненной интеллектуальности принадлежал к породе «лишних людей», но никак не пустышек. Не стану воспроизводить весь ход размышлений и аргументов Ларисы Керцелли, это надо читать, скажу лишь, что тут она отважно пошла и против такого признанного авторитета, как А. М. Эфрос. Его книга «Рисунки поэта», изданная в 30-е годы издательством «Academia», давно стала классической. И хотя в дальнейшем другие ученые, в частности, такой знаток Пушкина, как Т. Г. Цявловская, значительно расширили и углубили тему Эфроса, многие его оценки и выводы остались незыблемыми. И то, что пересмотреть многие из них отважилась молодая исследовательница, говорит о ее незаурядной научной смелости.

И так ли уж важна, спросит читатель, «реабилитация» какого-то Вульфа? Да, важна, хотя бы из простой человеческой справедливости. Но есть и другое: ничтожный и аморальный Вульф набрасывает тень на светлую фигуру поэта. А Вульф, встающий со страниц книги Керцелли, ничуть не унижает Пушкина своим приближением к нему. Он человек сложный, противоречивый, грешный, но, несомненно, значительный, незаурядный и преданный Пушкину...

Остается сказать о литературных достоинствах книги Ларисы Керцелли. Мы как-то забыли сейчас, что литература некогда называлась «изящной словесностью». Это старомодное выражение начисто перестает быть смешным, если вспомнить, что прежде слово «изящный» означало «выдающийся», «несравненный», «лучший». Так вот, у нас и чистая беллетристика далека зачастую от уровня изящной словесности, что же говорить о научной или научно-популярной литературе? Родниково-чистая, точная, ясная и звонкая речь Ларисы Керцелли принадлежит «изящной словесности» и достойна великого предмета ее исследовательских усилий.

1976

Б. Ахмадулина

ЗДЕСЬ ОН ХОДИЛ

Здесь он ходил. Здесь смотрел. Здесь любил... Здесь записал. Написал!

Я смотрела маленькую картину... нет — картинку, видение...[1]

О тверских местах, где он, Пушкин, жил, любил, пи-

[1] Документальный фильм «Земля Тверская, пушкинские места». Режиссер А. Миронов, оператор В. Супрун.

сал. И мне захотелось продолжить это нескончаемое раздумье о Пушкине, которое длилось и помимо наших усилий, как жизнь Земли, как непреклонный ход светил. Нельзя уличить природу в бездействии, в отсутствии времени года или заподозрить небо в отсутствии звезды: сейчас невидима, но есть же! Так и ваше, мое, общее наше национальное сознание нельзя застать врасплох, без присутствия в нем Пушкина. Его владения неисчислимей нашего знания и сознания, он присвоен кровообращением народа, да так и передается — из пульса в пульс, из поколения в поколение. Вот та старая-престарая женщина, близкая соседка Пушкина уже по другой, по псковской земле, да и по времени не дальняя его соседка — боюсь, нет ее больше поверх этой благословенной земли, давно это было. Я озябла на сеновале и вернулась среди ночи в дом. Женщина эта, истратившая глаза свои на долгое зрение, на слезы по сыновьям, по мужу и по всем, кого случилось ей пережить, увидела все же множество сена в моих волосах и — как она смеялась! И за этот отдых смеха и ночного веселья она четко приметила и полюбила меня, и долго шел мне привет из деревни Малы.

В ту позднюю осень, так похожую на эту, тверскую, что на экране избыток северного сияния достигал наших небес. Призрачно бледнели на стенах избы лица погибших и умерших. Непонятные эти снимки, изначально размытые непристальным фокусом, не снесли влияния времени, стали вовсе блеклы и слабы... Женщина, оплакавшая их и с тех пор впервые смеявшаяся той ночью, никогда не читала ни одной книги. Кем же приходится ей Пушкин, что и тогда, как всегда, не было сомнений в его явном присутствии, в необратимой неистребимости его краткой жизни? Был ли он для нее лишь наслышкой, особенно могучей в тех местах, слухом, которым земля полнится, который по всей Руси великой — сами знаете, что прошел и всегда будет идти? Да, и наслышкой,

и чудной легендой — о добром, о прелестном, о курчавом, в красной рубахе, терпевшем за правду, всех жалевшем, убитом злодеем и доныне жалеющим всех, у кого печаль. И все же Пушкина в ней было больше, чем сведений о нем,— столько, сколько благородноживучей прочности, сколько несказанной речи, сколько ясного разума, не ученого грамоте, не имеющего изъяна темноты. Что ж, дело нехитрое — Пушкин и есть наша речь, наша словесность, наша оснащенность разумом и совестью, в жизни и житье-бытье.

И напоследок, на память о том, что Пушкин, как никто другой, держал сердце в доблестном напряжении возвышенного дружеского чувства, говорю: о други, о друзья мои, он, давший нам так много, живший так недолго, страдавший так сильно,— какое блаженство, что он родился!

1981

А. Крейн

ЖИЗНЬ МУЗЕЯ

В 1967 году организации Калининской области обратились в наш музей наполовину за советом, наполовину с просьбой о помощи: речь шла о создании нового музея Пушкина в селе Бернове Старицкого района. Мы отнеслись к этой идее с осторожностью. Планы казались попыткой не только с негодными, но и вообще без всяких средств.

— Вы же начинали с нуля,— это был их основной довод.

Но на сей раз он нас мало убеждал. Никто у нас не занимался темой «Пушкин в Тверском крае», и мы не представляли, что может лечь в основу такого музея. Кроме того, идея музея в селе, куда даже приличной дороги нет, казалась по меньшей мере необдуманной.

Мы изложили наши соображения, воздержались в то время от обещаний.

Но мысль о создании пушкинского музея у калининчан оказалась сильнее обстоятельств и возражений. Вероятно, немалое значение имела организация Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии у соседей, в Псковской области, в пушкинском заповеднике. Идея музея развивалась, находила все больше сторонников в области и перевоплощалась в идею более широкую: в план благоустройства пушкинских мест, охраны природы, наконец, план «Большого Пушкинского кольца», охватывающего места пребывания поэта в Тверском крае,— перспективный туристический маршрут, крупномасштабное культурное начинание.

Впрочем, мы забежали вперед...

В начале лета 1970 года мы получили приглашение принять участие в научной конференции на тему «Пребывание Пушкина в Тверском крае».

Местом конференции калининцы мудро и дальновидно избрали Берново. Туда были приглашены пушкинисты области, краеведы. От московского пушкинского музея на конференцию выехала Светлана Тихоновна Овчинникова. Тогда она еще не знала, «где таилась погибель» ее. После этой поездки она да и весь наш музей на многие годы стали причастны к делу воссоздания пушкинских мест в Тверском крае.

Как в любом творчестве, успех в музейном деле приходит, когда работа приобретает личностный характер. Именно так и случилось с Овчинниковой. И наверное, лучше всего предоставить слово ей самой.

«...Я поехала в командировку в какое-то весьма смутно мне известное село Берново на пушкинскую конференцию, но, видимо, более всего для того, чтобы решать — делать там пушкинский музей или нет.

Стояло самое начало лета. Цвела сирень. В круглом прудике посередине села звонко кричали лягушки. От

прудика шла липовая аллея, и в конце ее возвышался дом — старинный ампирный особняк, желтенький, с рядом колонн и мезонином. Дом Ивана Ивановича Вульфа, знакомого Пушкина, родственника Прасковьи Александровны Осиповой. Ему принадлежало Берново. Сюда часто приезжал поэт, гостил, правда, не подолгу — по 2—3 дня; жил в гостиной с балконом, выходящим в сад; взбирался на круглую горку «Парнас» недалеко от дома в парке...

Побывала и в Павловском — крошечной деревеньке, буквально несколько дворов, удивительно поэтической, на краю леса. Павловское тоже было вульфовским — принадлежало Павлу Ивановичу Вульфу, «доброму моему Павлу Ивановичу», как писал о нем поэт. Осенью 1829 года Пушкин прожил здесь около трех недель.

Но чаще всего и дольше всего гостил Пушкин в Малинниках (все это соседние места) у Осиповой...

«Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно...», «...я деревенскую жизнь очень люблю»,— писал Пушкин Дельвигу. С михайловских времен он дружен был со всей семьей: старшим сыном Алексеем, дочерьми Анной и Евпраксией, хорошенькой падчерицей Алиной. Всем им посвящал стихи, иногда серьезные, иногда — галантные, шутливые послания.

На берновской пушкинской конференции выступали местные почитатели поэта: писатели, учителя, краеведы. Говорили о Пушкине, о его связи с Тверским краем. Говорили горячо, восторженно, даже, я бы сказала, агрессивно. Создавалось впечатление, что вот здесь-то, в Тверской губернии, и находился главный источник пушкинского вдохновения. Краеведы ясно дали почувствовать, что знаменитые Михайловское и Болдино приобрели энергичных и убежденных соперников. А главное — это я поняла уже позднее — в этих преувеличениях была большая доля правды. Пушкин дейст-

вительно любил эти места, был привязан к Вульфам, любил энергичную и умную Прасковью Александровну. И поэтому, когда с особой силой начинали беспокоить его столичные тревоги, хлопоты, зловещие опасения, когда хотелось уйти от этой бесконечной выматывающей суеты, он уезжал в деревню. Но уже не в Михайловское: в 1828 году умерла Арина Родионовна и родное псковское гнездо опустело. И теперь он уезжал в глушь Старицкого уезда, к Вульфам, к милым его сердцу восторженным добродушным провинциалам. Здесь он находил дом, любовь, покой, уют, вдохновенье. Здесь он ездил на охоту, кокетничал с барышнями, озорничал с Алексеем Вульфом — и писал. В тверских имениях он работал над седьмой главой «Евгения Онегина», здесь он написал большую часть «Путешествия Онегина», посвящение к «Полтаве», «Роман в письмах», массу стихов: «Зимнее утро», «Анчар», «Поэт и толпа» и многое, многое другое.

Музей в Бернове должен был делаться (если вообще должен) в небольшом доме, в избе. Решать было трудно: домик мизерный для музея Пушкина (даже сельского), экспонатов нет. Но разве все-таки плохо сделать музей в этом милом селе? Маленький, уютный.

Когда я возвращалась в Москву, я как-то все это себе представляла, только думала: с кем делать? Приехала и рассказала художнику Юрию Леонидовичу Керцелли. Он принял идею довольно равнодушно. Но потом загорелся — и на несколько лет это стало делом его жизни, его страстью, его последней любовью. Последней — потому что Юрия Леонидовича уже нет в живых...»

Поездка С. Т. Овчинниковой решила дело: мы не устояли и взялись за организацию берновского музея. Как всегда, главная тяжесть ложится на инициатора. В данном случае им оказалась Овчинникова, она первая сказала «да» — она и стала «делать» музей. На

нее легла полностью разработка научного плана экспозиции, и для этого необходимо было перечитать все, что касается темы, и все, что лежит вокруг нее: следовало узнать, кто окружал Пушкина в Тверском крае; уяснить не только биографическую, но и литературную концепцию музея. И надо было с нуля (опять с нуля!) начать собирание материалов.

Удивительно, что на все это ушел год, всего только год. При этом оборудование и оформление делались из расчета не на сельский, а на столичный музей.

В мае 1971 года дом еще не был отремонтирован. Приехавшие в Берново Овчинникова, Керцелли, художник В. И. Круглов, наш мастер Н. А. Жуков оказались, скажем мягко, в очень трудной ситуации. Но непонятным образом, как это чаще всего бывает, к нужному дню и часу, к открытию музея — все было готово.

Овчинникова рассказывает: «...Целый год работали мы над созданием музея в Бернове. И вот 5 июня 1971 года — ко дню рождения поэта и Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии — экспозиция была открыта. Удивительный, торжественный день! С утра все дороги, дорожки, тропки, ведущие в Берново, были запружены народом. Люди шли из окрестных деревень. Люди ехали из Старицы, Торжка, Калинина, Москвы и Ленинграда. «Волги», автобусы, самосвалы, проселочные «козлики» в это утро 5 июня направлялись в Берново. Отделенное от больших городов, от шоссе и железных дорог, окруженное лесами, древнее село на берегу реки Тьмы вдруг сразу сделалось знаменитым. И не нужно ему соперничать с Михайловским и Болдином — у него слава скромная, не столь шумная и широкая, но своя, заслуженная. Это тверское село освещено «веселым именем Пушкина».

Теперь, после открытия берновского музея, тема «Пушкин и Тверской край» стала популярной: ей

посвящаются лекции, фильмы, книги, буклеты, плакаты...»

Разумеется, создание музеев Калининской области не было возможно без вклада местных пушкинистов и краеведов В. Ф. Кашковой, А. С. Пьянова, А. А. Суслова, Д. А. Цветкова, М. А. Ильина, без сотрудниц калининского музея Л. А. Казарской и С. П. Орловой.

История создания Музея А. С. Пушкина в Бернове на этом не кончается, а, пожалуй, только начинается. Правы были руководящие работники Калининской области, которые говорили: «Начнем с избушки, с маленького музея. Пускай пойдет народ, сформируется общественное мнение. Остальное — последует».

Берновский эксперимент — убедительный пример того, что музей может стать очагом культуры, именно очагом, центром культурных и других начинаний.

Проводятся большие дорожные работы. Со стороны Старицы и со стороны Торжка — в обе стороны «Пушкинского кольца» — уже можно передвигаться на любой машине. От самого Калинина до Старицы — Бернова — Торжка на автобусных остановках укреплен плакат со схемой маршрута.

Многое сделано в Бернове: дорожное сообщение повлияло на экономическое и культурное развитие села. Построены гостиница, новый магазин, кафе-столовая, АТС, предоставлено помещение библиотеке. И все это имеет прямое отношение к музею.

Из старой вульфовской усадьбы в новое здание переведена школа. Мемориальный дом освобожден, отреставрирован и передан музею. 6 июня 1976 года в большом вульфовском доме открыта выставка. Встали новые проблемы: нужно значительно расширить экспозицию, обогатить ее материалами, пересмотреть тематику — вот программа ближайших лет.

Берново — центр проведеиия в Тверском крае ежегодного Всесоюзиого Пушкинского праздиика.

Бериово положило иачало и второму пушкинскому музею — в Торжке. Пушкин проезжал через Торжок миогократио, часто останавливался здесь. Сохраиилась гостиница Пожарского, где он снимал иомер. Сохраиился и одноэтажный дом Олениных. Скромный и уютный, где поэт не мог не бывать. Здесь уже в 1972 году также при непосредственном участии нашего музея была открыта времеиная экспозиция.

Создание этого музея — сложное дело. Стоящий между Москвой и Петербургом, Торжок — заметный пункт в страиствиях Пушкина по России. Именно так, как рассказ о страиствиях поэта — шире и проблемнее, чем бериовская экспозиция,— замыслен музей в Торжке. Осмотр его должен закаичиваться иа смотровой площадке, находящейся в саду олеиинского дома с широким и прекрасным видом иа город. Ведь и сам Торжок с десятками сохранившихся старинных построек представляет большой музей. Лучший способ вспомиить о Пушкиие в Торжке — осмотреть древиий город. И съездить в Грузины, где жили друзья поэта Полторацкие, в Митиио, бывшее поместье Львовых, в деревию Прутию, на погосте которой покоится прах Аины Петровны Керн.

Научный план экспозиции пушкииского музея в Торжке разработаи Овчинииковой (его объем 5 печатиых листов), и ои может стать программой дальнейших поисков.

Как мы уже говорили, пять лет Ю. Л. Керцелли заиимался музеями в Бериове и Торжке. Им создаи ныиешиий художествеиный облик этих музеев и перспективиый проект олеииского дома в его взаимодействии с памятниками Торжка. Но Керцелли был ие только художником, автором проектов. Ои стал пушкиистом, текстологом, краеведом, собирателем, зиатоком мебели,

реставратором и проч. Керцелли все знал — сложные родственные взаимоотношения семейств Олениных и Балавинских — владельцев мемориального дома в Торжке; знал, как выглядели погреба в селе Митино, какая надпись первоначально была на могиле Керн в Прутне. Прошедший многолетнюю школу общения с пушкинской темой и материалами в московском музее, Юрий Леонидович сделал очень многое для разыскания и собирания материалов по Бернову и Торжку, по атрибуции портретов. В рукописях Пушкина он обнаружил зарисовки тверских мест. Каждое лето, начиная с 1970 года, он проводил в походах по окрестным местам, рисовал их, накапливал впечатления и сведения, очень нужные для создания пушкинских музеев. И самое деятельное участие принимал в организационных делах, становясь порой чуть ли не главным архитектором у реставраторов, прорабом у строителей. Преодолевая присущую ему застенчивость, он шел с докладом о трудностях и нуждах прямо в высшие инстанции области — и его внимательно выслушивали и неизменно оказывали помощь.

Его жена, литературовед Л. Ф. Керцелли, опубликовала ряд статей и книгу «Тверской край в рисунках Пушкина» («Московский рабочий», 1976) — большая доля в книге принадлежит Юрию Леонидовичу, успевшему выполнить и прекрасное ее оформление.

Еще и еще раз хочется воздать дань уважения всем калининским организациям, их руководителям и рядовым работникам, которые проявили не просто внимание к культурному делу, но подлинную страсть, убежденность, удивительную настойчивость. Но это — тема особого рассказа.

Всю организационно-хозяйственную сторону взяли на себя областные и районные организации, и прежде всего Калининский областной краеведческий музей, возглавляемый И. М. Бружеставицким, одним из

лучших и преданнейших руководителей музеев, каких мы встречали.

Организационная работа в музеях вообще необычайно сложна и, увы, крайне плохо обеспечена. Сложна она — даже в сравнении с другими учреждениями культуры и искусства — тем, что совершенно неотделима от научной и художественной деятельности музеев. Один экспонат — это десятки организационных дел, связанных с разысканием, приобретением, оформлением, реставрацией, транспортировками. Тысяча экспонатов — это десятки тысяч специфических, кропотливых дел...

Ни один другой тип учреждений в такой мере не связан со старинными памятниковыми зданиями, которые так приятны для осмотра и так трудны в ремонте, реставрации, уходе за ними. Музеи имеют дело только с уникальными предметами оборудования — стандарта здесь нет, все проделывается будто впервые.

Автор этих строк, сам директор музея, давно уже вывел для себя формулу: «Я смеюсь над творческими трудностями, плачу от трудностей организационно-хозяйственных». Но трудности, которые испытывает директор областного музея, еще много сложнее, а тем более такого, как калининский, который имеет десять (!) отделов и филиалов, разбросанных по всей области, общее расстояние до которых 1400 километров.

Опыт создания пушкинских музеев в Калининской области показывает, что они сегодня столь же нужны селу, как и городу. Об этом свидетельствует состав посетителей — среди них много жителей окружающих районов. Но очень важно и другое: сельские музеи, музеи на природе, притягивают к себе жителей городов теперь едва ли не больше, чем городские, сельский музей сегодня служит и селу и городу.

В летнее время не только в Торжок, который лежит «на большой дороге», но еще более в Берново

направляется поток автобусов и легковых машин. Мы понимаем — дело не только в музее, но и в развитии туризма, средств сообщения, транспорта. Но туризм должен иметь цель — объект осмотра. И от того, в какой мере этот объект отвечает душевным интересам экскурсанта, в огромной мере зависит достижение высших целей туризма — духовных.

Сила берновского, торжокского музеев, всего «Пушкинского кольца» в том, что они — пушкинские. Это не требует доказательств.

Но сила их еще и в том, что они связаны с селом, с природой, прекрасной природой Верхневолжья.

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Нашему машинно-атомному веку, как никогда, созвучны признания Пушкина в любви к природе. Вот почему «Пушкинское кольцо» кажется нам такой принципиальной удачей.

Создание музеев в Бернове и Торжке, размышления о них, наблюдение их опыта — все это открыло для нас новые грани музейного искусства, расширило профессиональный горизонт, повлияло на решения, связанные с Арбатом.

1979

Г. Безрукова

ПО ПУШКИНСКОМУ КОЛЬЦУ

I

Тут мелко. И мальков мельканье
Мальчишек местных веселит.
Ах это раннее купанье!
Пусть даже мамка не велит.

Саженками. И по-собачьи.
От камушка и до лозы.
А на воде легко маячит
Тень самой синей стрекозы.

Ах это раннее купанье,
Каникул летних кутерьма.
...Ах эти милые названья —
Малинники и речка Тьма.

II

Словно сахарная, тает
Церковь белая в воде.
Птица белая взлетает,
Улетает, тоже тает. Не видать ее нигде.

Одуванчик отцветает,
Тает пух в траве густой.
Испаряется и тает
От черемухи настой.

Все растает.
Все вернется,
Верность вечности храня.
Слышишь? Девочка смеется,
Так похожа на меня.

III

Праздничная обнова,
Черемуховый наряд.
Возле местечка Берново
Белые гроздья горят.

Нежный, чуть-чуть горчащий,
Белый стоит холодок.
Здесь, в зацветающей чаще,
Много есть тайных дорог.

Тропок полно неизвестных.
Кто проходил здесь в тени?
Я бы спросила у местных —
Только не помнят они.

Кто здесь чудесные песни
Складывал в прежние дни?
Я бы спросила у местных —
Только не знают они.

Я бы спросила о главном —
В прошлое где́ поворот?

...К черному омуту плавно
Белая ветка плывет.

IV

А окна выходили в сад.
И двери выходили в сад.
И люди выходили в сад,
И все садились на лужайке.
Царил в усадьбе мир и лад.
И царственнее всех наград
Был взгляд пленительной хозяйки.

Темнело. Возвращались в дом.
И долго гости за столом
В гостиной пили чай с вареньем.
И пахло от волос и рук
Прелестных молодых подруг
Июньской пряною сиренью.

Дом постепенно засыпал.
Сад лепестками засыпал
Крыльцо, приезжую карету...
И было бы совсем темно,
Когда бы не одно окно —
Оно светилось до рассвету.

V

Придумали вы это удивительно:
Завянет лишь последняя из звезд,
Отправиться до Прутни через Митино,
На старый достопамятный погост.

Как хорошо идти лесной дорогою,
Где юношески буйная трава

И где полны весеннею тревогою
Столетние большие дерева.

Тверца доносит влажный запах ила.
Звенят, ликуя, птицы по кустам.
А на погосте есть одна могила —
Давно уже никто не плачет там.

Но люди это место почитают,
Цветы приносят, и стихи читают,
И думают о странностях любви.
И на скамье задумчиво мечтают...
И каждый вечер в Прутню прилетают
Со всей округи нашей соловьи.

А. Гевелинг

БЕРНОВО

1

Пылало все то же светило,
И пели полозья возка,
И небо такое же было,
И так же текли облака,
И с брега того же крутого
Дорога срывалась витком,
И так же курилось Берново
Все тем же уютным дымком,
И лился с такого же наста
Рассыпчатый утренний свет.
И где они, все полтораста,
Берновских беспушкинских лет?
Да нет их, да не было вовсе,
А если и были — не в счет!

Ты встретить его приготовься —
И он к тебе в гости придет.
Здесь все у него на примете,
И он не пойдет наугад:
Сменяются люди на свете —
Дороги все там же лежат.
И может быть, вечная эта
Шутливая горка «Парнас»
В мерцании зимнего света
Сроднила душевнее нас.
И холод столетий растает,
И поступь поэта слышна:
Ведь нас, как его, осеняет
Маститая эта сосна.
Конечно, великие книги,
Как праздники, в душах горят.
Конечно, великие миги
Великие книги творят.
Мы любим их пылко и стойко,
Незыблемо наше родство.
Но в тихой квартире на Мойке
Мы видим живого его.
Способны с эпохами спорить
И бронза его, и гранит,
И милая скромница Сороть
Его отраженье хранит.
Не надо смотреть удивленно,
Узнав про такие дела:
Той осенью в Болдине сонном
Вот эта травинка росла.
Полны им чухонские веси,
Молдавские помнят сады,
И Черное море в Одессе
Его не размыло следы.
И Медного всадника берег —
Над той же державной водой,

И грезит поэтами Терек,
Все тот же, как зверь молодой.
И кажется мне, что ночами
Уснуть не могу оттого,
Что здесь, у себя над плечами,
Я слышу дыханье его.

2

Людской волной июнь нахлынул снова,
Дороги деревенские всклубя,
И вновь, гостелюбивое Берново,
Твои друзья приветствуют тебя!
Твою сосну,
Твой пруд,
Твой берег древний —
Зеленые, русалочьи места!
Вселюдно почитаемой деревней
Тебя мы именуем неспроста.
Кто раз узнал,
Вовеки не забудет
Твоих ледком подернутых дорог,
Твои «мороз и солнце» помнят люди
От малых лет до гроба назубок.
В твоем обличье — ничего такого,
Что не было бы ведомо другим.
Но Пушкин
За тебя замолвил слово —
Мы в сердце его заповедь храним.
В метаниях космического века
Столетие предания храня,
Ты — наша поэтическая Мекка,
Михайловскому, Болдину родня.
Июньским призываемые сроком,
Как за насущным хлебом,
Там и тут

По автострадам, тропам и дорогам
Любови наши
К Пушкину текут.
Такой прием не мог и сниться залам.
Кругом друзья, куда ни повернусь.
И кажется,
Что это нам сказал он:
«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

А. Скворцов

ИЮНЬ, БЕРНОВО

Травы вызревают на опушках
В голубой пугливой тишине.
Еду снова на свиданье с Пушкиным,
Чтобы с ним побыть наедине.
А дорога, словно речка, вьется
И зовет не одного меня...
Может быть, у этого колодца
Он когда-то напоил коня.
На заре посверкивали косы,
Как сейчас, сопровождая нас.
Здесь, в Бернове, он, простоволосый,
Поднимался на гору «Парнас».
Мы живем, седые травы косим,
По своим торопимся делам.
Каждый год к нему мы едем в гости.
Каждый день он сам приходит к нам.

В. Штубов

БЕРНОВСКИЙ ОМУТ

По преданию, легенда об этом
омуте легла в осиову драмы
А. С. Пушкниа «Русалка»

Здесь не тонут и вряд ли помнят,
Что мерцало на черном дне.
Высыхает Берновский омут,
Забывая о глубине.

Глубина — достаешь ладонью,
И на ощупь песок горяч.
Омут вечером лишь бездонен.
Только ночью
 и настоящ.
Отражения звезд и леса
Осеняют русалкин дом.
Мы замрем над великим местом
И покажется:
 не умрем...

Что здесь было, чего здесь не было?
...Задрожит над водою дождь —
Словно мельник незримым неводом
Утонувшую ловит дочь.

Вот он вышел и снова замер...
Или это ветлы изгиб?
Может, это его слезами
Здесь над омутом плачет выпь?

А вода — как звук поцелуя,
От луны отступает мрак.
И кочуют по свету струи
В здесь родившихся облаках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТВЕРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ О ПУШКИНЕ

Б. С. Мейлах — авторитетный исследователь творчества А. С. Пушкина. Широко известна его книга о поэте «Талисман», вышедшая впервые в издательстве «Современник» в 1975 году. Значительный интерес для тверского читателя представляет в этой книге глава «Народ и поэт», содержащая впервые публикуемые крестьянские письма о Пушкине.

Знакомясь с фондами рукописного отделения Института русской литературы Академии наук СССР, исследователь обратил внимание на архив предназначавшейся для деревни забытой дореволюционной газеты «Сельский вестник», в котором сохранились сотни писем крестьян о Пушкине. Это были письма, написанные зачастую на серой оберточной бумаге, большей частью полуграмотные каракули, по одной, пять, десять и более страниц, иногда исписанных даже стихами. И все о Пушкине! «Впервые можно было судить об отношении народа к Пушкину, о знании и понимании народом Пушкина, о том, каким был образ поэта в крестьянском сознании, причем судить по рассказам самих крестьян!» — утверждал автор книги.

Каков же повод появления этого потока писем? 9 мая 1899 года, незадолго до 100-летия со дня рождения Пушкина, газета «Сельский вестник» обратилась к читателям со следующей просьбой: «26 числа наступающего мая месяца исполняется 100 лет со дня рождения великого русского писателя Пушкина. Просим наших читателей, близко стоящих к простому народу и хорошо его знающих,

сообщить нам: насколько известно в народе имя Пушкина? какие сочинения его наиболее читаются народом и как попадают к нему? что в них больше всего нравится и почему? что нравится меньше и почему? что простой народ знает и думает о Пушкине? Просим и самих крестьян, наших читателей, написать об этом просто и прямо, не стесняясь, как умеют и как бог на душу положит. Кто и совсем ничего не знает о Пушкине и даже не слыхал о нем или знает очень мало,— пусть напишет и об этом. За всякие сообщения обо всем этом мы будем очень благодарны».

Редакция «Сельского вестника» получила около тысячи откликов со всех концов России. В газете же было опубликовано только 101 письмо, причем тщательно отобранные в цензурном отношении...

Ниже приводятся по книге Б. С. Мейлаха некоторые письма крестьян Тверской губернии о Пушкине.

Понимание заветов Пушкина и его творчества изложено в безграмотном по форме, но исключительно интересном по содержанию письме крестьянина деревни Головкино Гродиенской волости Зубцовского уезда С. Никитина: Пушкин «показывал жизнь и науку», он учил узнавать людей, ведь человек «может представиться покровителем, а оказаться губителем». Пушкин — пример и образец поведения (в этом суть основного содержания письма), он был за правду, «от того он не искал себе почета, более приставал к простонародию, потому что простонародье скорее возьмет пример, к чему он расположен».

Далее о Пушкине говорится: «Если бы он не имел в себе правды, не пошел бы на дуэль, а как пошел на дуэль, то больше засвидетельствовал свою правду, ради правды не пожалел своей жизни». Сопоставляя поведение Пушкина с примерами из окружающей жизни, Никитин заключает: «А мы ради приятеля и богача какого-нибудь говорим облыжные слова, клевещем... Только такие люди не пойдут на дуэль...»

Из деревни Козлово Новоторжского уезда крестьянин Д. Кирсаков с огорчением писал, что среди его односельчан многие «о Пушкине и понятия не имеют. Начни такому говорить или читать произведения Пушкина, а он, в свою очередь, спросит вас: «Кто же этот

был Пушкин — генерал и аблакат?» Вина этому малограмотность, отсутствие школ. Для того чтобы «узнал наш народ всех великих людей родной земли, не только Пушкина, Гоголя и Белинского, а многих и других печальников и песенников русской земли», этот читатель предлагает увековечить память Пушкина открытием не храма, а хотя бы одного училища на волость.

Передавались из уст в уста рассказы о близости Пушкина к народу, о его сочувствии всем страдавшим от властей. Вот один из рассказов такого рода:

«Пушкин жил в имении; в том стане становой был страшный взяточник, через что с Пушкиным, заступавшимся за обиженных, частенько бывали у него горячие споры. И вот приставу за долгую службу выслали орден; в это время в местном погосте была ярмарка, где пристав и захотел щегольнуть полученною наградой; на той же ярмарке был и Пушкин, который, встретив станового и увидав у него в петлице орден, сказал: «Господи Иисусе Христе, ты спас разбойника на кресте, а нынче пришло ко мне горе, вижу — крест идет на воре», «чем будто бы и смутил станового». (Из письма крестьянина Михаила Чихачева, Новоторжский уезд.)

Интерес вызывали памятные места, связанные с Пушкиным. Крестьянин деревни Гникино Забороской волости Вышневолоцкого уезда В. Я. Кузьмин-Карельский обратился к редакции с вопросом: «А хотелось бы знать, найдено ли то место доподлинно, где был убит этот гений и почтено ли оно чем-либо?»

Б. С. Мейлах, приводя в своем исследовании эти письма, заключает: «Читая эти строки, нельзя не вспомнить снова отзывы о Пушкине крестьян другой эпохи, послереволюционных лет... В этих отзывах тоже восхищение Пушкиным как великим другом народа, певцом свободы и справедливости, та же беспредельная восторженность, увлеченность прелестью его образов. Такова живая традиция восприятия пушкинского творчества, но теперь уже восприятия его освобожденным народом».

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько раз проезжая через Тверь...

Тысячи друзей

Поэты — поэту

ТВЕРСКОЙ ВЕНОК ПУШКИНУ

Сборник

Заведующий Калининским отделением *А. Душенков*
Редактор *А. Бутузова*
Художник *Н. Пашуро*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *Н. Калиничева*
Корректоры *О. Наренкова, Л. Сидоренко*

ИБ № 4166

Сдано в набор 18.01.89. Подписано к печати 20.07.89. ЕА 05409. Формат $70 \times 108\,^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 8,05. Уч.-изд. л. 6,59. Тираж 25 000 экз. Заказ 4507. Цена 40 коп.

101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Калининское отделение. 170000, г. Калинин, ул. «Правды», 25.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Тверской венок Пушкину: Сборник.— Калинин: Моск. рабочий, Калинин. отд-ние, 1989.— 142 с.

Т26

Сборник посвящен пребыванию А. С. Пушкина в Тверском крае. Включает в себя стихи и прозу поэта, написанные здесь, рассказывает о находках местных краеведов и творчестве советских литераторов — участников Пушкинских праздников поэзии в Калининской области.

Адресован широкому кругу читателей.

Т $\frac{4603020101-226}{М172(03)-89}$ Без объявл.

ББК 83.3Р1

40 коп.

Сборник посвящен пребыванию А. С. Пушкина в Тверском крае. Включает в себя стихи и прозу поэта, написанные здесь, рассказывает о находках местных краеведов и творчестве советских литераторов — участников Пушкинских праздников поэзии в Калининской области.